

Специальный выпуск

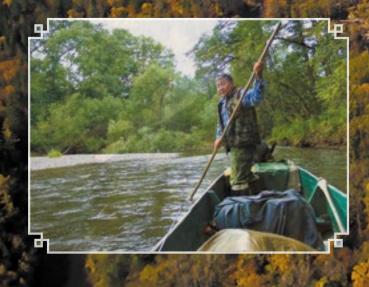
http://ngo-broc.org

12+

Проблемы природопользования Дальнего Востока и Сибири U GUSHEC

30 лет защиты «Русской Амазонки»

От эксплуатационного лесфонда до Всемирного Наследия ЮНЕСКО

От автора

Анатолий ЛЕБЕДЕВ

журналист и писатель, председатель совета ПКОО БРОК, заслуженный эколог РФ, кавалер золотой медали ООН «Герой Леса - 2011».

Попытка написать историю отдельной территории – всегда риск попасть под перекрестный «обстрел» с многих сторон сразу. Недовольны или не согласны будут все: кто-то больше тебя интересуется вековой стариной, кто-то новой историей с еще живыми людьми, кто-то этнографией, военными событиями, политикой, географией, природой, культурой, экономикой, отношениями кланов. Список ожиданий от новой книги о всемирно известном уголке Земли бесконечен.

Причем по каждому пункту этого списка уже существует множество воспоминаний, научных трактатов, книги местных и заезжих авторов, каскады журналистских репортажей, документальные фильмы. Невольно задумаешься: что еще рассказывать, для кого?

Ответы читатель найдет в этой книге. Волею судьбы, автору довелось быть рядом и с лидерами удэгейского самоуправления в Приморье, уроженцами Красного Яра на Бикине, создателями краевой Ассоциации коренных малочисленных народов братьями Суляндзига, и стать участником становления природоохранного сообщества Дальнего Востока начиная с конца 1980-х годов. То есть, с самого исторического перелома, когда великое, доныне не до конца оцененное братство советских народов на Приморской земле вместе с хорошо отлаженной таежной экономикой, национальной и социальной политикой стало подвергаться жесткому испытанию диким капитализмом. С тех самых времен 30 лет назад нашумевшие на весь мир, порой драматические события вокруг «дальневосточной Амазонки», связанные с защитой ее тайги и местных сообществ от капиталистического разорения, проходили перед моими глазами, а часто и с моим прямым участием. По этой причине предлагаемый здесь взгляд на события новейшей истории Бикина, его природы и людей, откровенно и сознательно субъективен. Это взгляд человека, вовлеченного в экологическую политику региона и страны и неотрывно с ней связанную борьбу за гражданские права коренных народов, глубоко зависимых от природы.

Анализируя впечатляющие события этих незабвенных лет, я постоянно, на каждом этапе борьбы за Бикин, обнаруживал столкновение, явное или скрытое, двух ключевых позиций, свойственных и любому человеку, и любому людскому сообществу, от государства до малого этноса и семьи. В нас всегда так или иначе уживаются две несовместные страсти, два стремления - к стабильности и к переменам. На их столкновении и борьбе, в одной отдельной душе или в масштабах цивилизации, и строится, в сущности, вся человеческая история. Стабильность - это мир, традиции, семья, уверенность в завтрашнем дне и благополучная, скучная старость без страданий и потрясений. Перемены - это взрыв мозга, адреналин, прорывные технологии, власть и богатство, это страсть, обновление, преодоление. Или даже красивая погибель, в цветах, народных слезах и славе. К каждому из этих противостоящих стремлений можно добавить еще десятки смыслов и красок - суть останется.

По большому счету, сопоставляя в контексте Бикинской саги разные модели сохранения-развития социально-природных систем, мы никогда не найдем конечного ответа – что более правильно, кто более прав. Единое человечество тотально смешанной расы, устремленное в светлое роботизированное будущее, умеющее творить пищу из воздуха и кислород из пустоты, одолевающее космические парсеки от скуки? Или - нынешняя радуга рас, конфессий и биологических видов, сумевших ограничить свою численность с помощью разума и гармонии с природой, умерить свою агрессию, отказаться от оружия и сотворить наконец земной рай имени товарища Кампанеллы. Реальность всегда строится посередке, опираясь на компромисс и синергию множества, которые и есть единственная гарантия выживания человечества. В каком-то смысле эта исповедь одного из многих участников сложнейшего и противоречивого 30-летнего

процесса – и есть история компромиссов и синергии. В этом процессе многие люди объединялись, конфликтовали, расходились во мнениях, но рано или поздно вновь объединялись, влекомые какой-то высшей силой к единой цели – сохранению Бикина. Это значит – к гармонии природы, этнической культуры и малой экономики, драматический поиск которой в рамках радикальной ломки советских устоев и составил материал этой книжки.

Журнал «Экология и бизнес».

Учредитель Бюро региональных общественноэкологических кампаний — БРОК.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ ФС 19-0161 от 15 марта 2006 г. Приморского Управления «Росохранкультуры».

Издается 4 раза в год.

Специальный выпуск, 2018 г.

Общественная редколлегия журнала «Экология и бизнес» — бюро региональных общественно-экологических кампаний — БРОК.

Редактор

А.В. Лебедев

Выпускающий редактор

П.Ю. Степаненко

В выпуске использованы фотографии из архива ОО БРОК.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

690600, Приморский край, г. Владивосток, ул. Пологая, 63, 1-й этаж.

Тел./факс (423) 240-80-95.

http://ngo-broc.org

E-mail: swan_0741@mail.ru

Дата выхода в свет:

Типография «Лайнс». г.Владивосток, ул. Русская, 94 «а». Телефоны: 8 (423) 274-47-89, 234-52-67

Тираж 990 экз.

Заказ №

Распространяется бесплатно

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	1
1. На переломе эпох	2
2. Новые законодатели и надежды	4
3. Открываясь миру и рынку	5
4. Назад – к капитализму	7
5. СП «Светлая» на волне перестройки	9
6. «Гринпис» на Дальнем Востоке	
7. Первые ТТП России	12
8. Отзвуки государственного переворота	14
9. Заграница приходит в тайгу	15
10. Охрана природы как система	
11. Конкуренция статусов и моделей	
12. Экологи: глобальный интерес и угрозы	
13. Законодательный прорыв и реванш	22
14. 21 век: игра по новым правилам	
15. WWF, биоразнообразие и община	
16. «Тернейлес» и Ассоциация: поиск баланса	
17. «Тигр», тигр и Президент	
18. Государство и аборигены	
19. Уроки «Удэгейской Легенды»	
20. Последняя атака лесопромышленников	
21. Аборигены и национальный парк	
22. Будущее строится сегодня	
CONTENTO	
CONTENTS	
CONTENTS Foreword	1
Foreword	2
Foreword 1. At the break of epoch	2 4
Foreword 1. At the break of epoch	2 4 5
Foreword 1. At the break of epoch 2. New legislators and hopes 3. Discovering to the world and market	2 5 5
Foreword 1. At the break of epoch	2
Foreword	

Тайга и река - неразделимые части экосистемы Бикина.

На переломе эпох

Бикин, как известно, являет собой уникальное сочетание природных, культурных, исторических и экономических ценностей, какое встречается в мире крайне редко, особенно в лесах умеренного пояса. Главная из них — сама уссурийская тайга, тысячелетиями нетронутая, хранящая полный набор редких видов лесной и водной флоры и фауны на стыке северной и субтропической географий. О них любовно рассказал в своей объемной книге и множестве публикаций местный краевед-учитель, бикинская легенда Борис Шибнев. Одновременно эта территория веками была домом для маленького и гордого таежного народа удэге, и для бежавших от красного террора старообрядцев. В советские времена здесь успешно работало местное промысловое хозяйство, сделавшее доступными для дальневосточников десятки видов таежных продуктов — ягод, грибов, орехов, рыбы, мяса, пушнины, целебных трав и меда. В Красном Яре и соседних селах были школы и медпункты, до райцентра ходил автобус, летали самолеты. Старики-удэгейцы хранили легенды своего народа, его писатели издавали книги и учебники родного языка, художники устраивали выставки картин и национальных сувениров. В печках зимой хватало дров, в уютных домах — света. У всех была работа, твердый заработок и гарантии учебы в городских вузах для детей.

За всем этим стояла не просто великая страна с ее национальной политикой, наверное не во всем бесспорной, но практически реализованной. В которой ни один

малый народ не был потерял или забыт. За этим стояло реальное внимание властей к жизни и быту отдаленных территорий и малых этносов, к их снабжению, культуре и образованию. И к традиционному хозяйству, защищенному законами, которые в те времена уважались и соблюдались. С 1971 года средний Бикин был защищен как орехо-промысловая лесная зона, исключающая любые рубки. А решением Крайисполкома 1976 года эта зона была закреплена в долгосрочное пользование за Пожарским госпромхозом — главным охотничье-промысловым хозяйством бикинских удэгейцев. Это закрепление было в 1979 году подтверждено постановлением Госплана Российской Федерации и действовало больше десяти лет — до начала приватизации всего и вся.

И вдруг где-то на другом континенте, в большом городе-Москве неведомые люди решили за всю огромную страну, что так жить нельзя. Что все это устоявшееся народное хозяйство, небогатое, но не знавшее нищеты и безработицы, пора перевести на деньги, причем не на свои, а на чужие — доллары. Оценить тайгу, зверей, речных ленков, дороги, реку, людей, школы, электричество, культуру, и если что-то не приносит прибыли — избавиться или продать. Эта буржуазная логика, рожденная в индустриальных городах и головах ученых-экономистов и реализованная заокеанскими экспертами для огромной, милитаризованной и закрытой страны была обоснована, но для таежной глубинки стала логикой инопланетян. Сегодня, спустя 30 лет, она и для всего мирового сообщества стремительно уходит в прошлое, уступая осознанию глобальной социальноэкологической катастрофы. А тогда вместо территории, природного комплекса, малого народа с его культурой, сложного промыслового хозяйства, которые были прописаны и учтены в массе документов, в бюджетах и программах района, края и страны, ее новые хозяева, ощущая себя великими революционерами, стали различать лишь цены в долларах и возможную прибыль, которую из всего этого можно извлечь.

Интересы жителей отдаленных сел и территорий в такой «угол зрения» попадали редко. Выпали из него практически все местные жизненные потребности транспорт, здравоохранение, энергетика, снабжение, школы и культура. Пока формировалась криминальная российская олигархия, люди оказались разом вброшены в средневековый образ жизни. Единственное, в чем как-то пыталось проявить себя государство в эти смутные годы — не слишком регулярная выплата рублевых пенсий, которые на фоне всеохватного долларового ажиотажа мало чего стоили. Зато в поле зрения новых бизнес-управленцев высветились богатые природные ресурсы отдаленных территорий, среди которых ярким алмазом сияла Бикинская тайга с чистой нерестовой рекой — отныне единственный источник выживания для коренных охотников и рыболовов.

Так одним примитивным решением верховных властей — назад к рынку и капитализму! — таежная глубинка оказалась обречена на затяжной, на десятилетия, конфликт с новой системой власти и купившими ее предпринимателями новой волны, прежде всего лесозаготовителями и охотниками. Как залетный горожанин, не ведающий традиций и духа тайги, стреляет без удержу во все, что движется, и видит в подлинном хозяине тайги тигре лишь конкурента-охотника, так и новые капиталисты, взявшиеся делить лесной фонд, видели в аборигенах досадную помеху на пути к возрождению капиталистической лесной индустрии на руинах советской. А в девственной тайге — только источник древесины и богатства.

Лосось – основа рациона и культуры коренных таежников.

Начиналось все, впрочем, многообещающе: слово «капитализм» во всех публичных декларациях и документах застенчиво подменили словом «рынок», назначили первые в истории подлинно демократические выборы в Советы всех уровней, от села до региона и столицы. Без всяких денег и партий — простым выдвижением авторитетных и грамотных людей, зачастую желательно беспартийных. Это был уникальный для России, хотя и очень недолгий опыт прямой и честной демократии, когда на выборах простому инженеру, учителю или бригадиру доверяли больше, чем чиновнику, директору или партийному функционеру. И интересы людей, как бы далеко в тайге они ни жили, были напрямую принесены в органы законодательной власти.

– Для нас, глубоко советских людей — инженеров, учителей, рабочих — кто составил невиданные прежде избирательные списки 1989 года, такие выборы во власть были подлинной диковинкой. Естественно, партия выдвигала своих функционеров, но чудесным образом, впервые ощутив вкус подлинной демократии, трудовые коллективы на первичных собраниях стихийно отдавали приоритет беспартийным. Тень КПСС за спиной кандидата в Советы становилась своего рода черной меткой, знаком недоверия. А выдвигались люди, просто обратившие на себя внимание своей честной, принципиальной позицией по актуальным вопросам жизни, имеющие ясное представление о том — что и как нужно сделать, чтобы вывести страну и регион из вдруг осознанного тупика неэффективности. Так сформировался этот уникальный депутатский состав демократичных Советов — из заметных инженеров и директоров предприятий, журналистов, ученых, педагогов, офицеров, рабочих бригадиров. Так под крышей Крайсовета меня, журналиста и выдвиженца от геологов Красноармейского района, судьба свела с выдвиженцем с Бикина, школьным учителем Павлом Суляндзигой. И так тема защиты Бикина сразу вошла в число приоритетов для нашей депутатской комиссии по экологии и природопользованию, где я стал заместителем председателя.

Одновременно с этим открывшаяся миру страна стремительно впитывала притягательный зарубежный опыт гражданской активности в разных сферах жизни. Главной в наборе таких сфер стала защита дикой природы и рациональное использование ее ресурсов. Первые иностранные пришельцы в прежде плотно закрытое, военизированное Приморье несли с собой уникальные знания и опыт — как совместить охрану природы,

потребности коренных жителей и нужды экономики. Эти знания и управленческие модели оказались к началу 1990-х остро востребованы в богатых природой и мало освоенных дальневосточных регионах России. И прежде всего — в Пожарском районе Приморья, совпадающем с бассейном реки Бикин и издавна служившем для аборигенов главной территорией традиционной хозяйственной деятельности в крае. Вообще к началу 1990-х в крае на официальном учете значились четыре территориальных группы удэгейцев, частично разбавленные нанайцами и орочами — бикинская, иманская в Красноармейском районе, самаргинская в Тернейском и приморская в Ольгинском. И защищать новоизбранным законодателям приходилось права всех, учитывая конечно очевидное лидерство бикинской «столицы» удэгейцев — Красного Яра. Поэтому и созданная в 1990 году краевая Ассоциация аборигенов была официально «прописана» здесь.

Новые законодатели и надежды

Одновременно депутаты-выдвиженцы из края решали те же задачи и на федеральном уровне. В Верховном Совете СССР в конце 1980-х годов интересы всех дальневосточных аборигенов представляла сотрудник Института Истории и этнографии ДВО РАН Евдокия Гаер, сыгравшая немалую роль в вынесении проблем коренных народов на федеральный уровень еще в той,

уходящей великой стране. И в большой степени благодаря ей, а также активистам первой на Дальнем Востоке экологической группы «Тайга» в соседнем с Бикином Красноармейском районе (река Иман), удалось добиться принятия в ноябре 1989 года исторического Постановления Верховного Совета СССР «О неотложных мерах экологического оздоровления страны». Именно эта группа направила в Москву перед решающим заседанием Верховного Совета своего гонца с огромной кедровой шишкой, и этот веский довод сыграл решающую роль в том, чтобы запрет на промышленную заготовку кедра по всему СССР был включен в Постановление.

О его последствиях для всего Дальнего Востока и Сибири, как и для судьбы лидера группы «Тайга», будущего директора нацпарка Федора Крониковского, можно написать отдельную книгу. Мне довелось видеть слезы директора одного крупного леспромхоза в бассейне Имана, полностью зависимого от кедра, когда его на уровне района, исполняя государственную волю, лишили главного лесного ресурса, обрекая предприятие и затерянное в тайге село на умирание. Выжить компании и селу в этих условиях помогли, как ни странно, приватизация и китайцы, но это — еще одна отдельная история, не менее драматичная. В целом для кедрачей бассейна Бикина и соседнего Имана — будущего национального парка «Удэгейская Легенда» — это был первый правовой щит в новых условиях, которым защитники «русской Амазонки» потом пользовались много лет, несмотря на постоянно меняющиеся законы и правила.

Сегодня мало кто помнит, что это, еще советское Постановление рекомендовало "в 1990 г. закрепить территории традиционного природопользования (ТТП),

не подлежащие отчуждению под промышленное освоение, за коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока". И это был не единственный нормативный акт высшего уровня, принятый в те эпохальные три года в интересах аборигенов и в защиту их ресурсных прав. В "Земельном кодексе РСФСР", утвержденном в апреле 1991 г., земля объявлена «достоянием проживающих на данной территории народов». определен приоритет малочисленных народов и этнических групп при использовании земель лесного фонда, природоохранного и заповедного назначения. На международной конференции "Права человека и народы Севера", организованной в октябре 1991 г. Ассоциацией малочисленных народов Севера, подтверждена необходимость установления правового статуса национальных районов и определения приоритетов их хозяйственной деятельности.

Постановлением Совмина РСФСР в декабре 1990 г. был образован Госкомитет по социально-экономическому развитию Севера (Госкомсевер). Его решения в пределах полномочий были обязательны для всех государственных органов, учреждений и предприятий. Эта структура сразу показала свою эффективность. Уже через полтора месяца было принято очередное Постановление Совмина "О некоторых мерах по социально-экономическому развитию районов Севера", а еще через месяц — совместное постановление правительств СССР и России "О дополнительных мерах по улучшению социально-экономических условий жизни малочисленных народов Севера на 1991-1995 г.г." В течение 1992-1993 годов Госкомсевер настойчиво формировал

правовые подходы к созданию специального статуса аборигенных территорий, что было прямо закреплено Указом президента Ельцина в апреле 1993-го: «территории традиционного природопользования малочисленных народов являются их неотъемлемым достоянием, и без их согласия не подлежат отчуждению под промышленное или иное освоение». Все эти документы принимались в полном согласии с рядом действовавших международных Конвенций о правах коренных народов.

Открываясь миру и рынку

Таким образом, почти 30 лет назад в только что народившейся новой, демократической России были созданы все исторические, этнические и правовые основания для признания верхней и средней частей бассейна Бикина и других аборигенных земель страны территориями традиционного природопользования. Но основания — еще далеко не готовые решения, особенно в смутное время глубоких социально-политических перемен, какие переживала страна в начале 90-х. Стоит напомнить, что помимо приведенных документов от Президента и правительства до и после распада СССР принималось много и других исторических решений, выстраданных народом за десятилетия несвободы и обещавших невиданные ранее возможности достойной жизни на основе рачительного пользования тайгой.

Этнокультурный центр удэгейцев.

С первых дней работы депутатской комиссии Крайсовета по экологии и природопользованию одной из главных ее задач стало придание законного статуса только что разработанной учеными краевой Экологической программе до 2005 года и прежде всего ее главной составляющей — Системе охраняемых природных территорий. Уже тогда были подготовлены краткие обоснования для создания новых заповедников, природных и национальных парков, а для зон компактного проживания удэгейцев на Бикине и Самарге предусмотрен специальный, хотя юридически еще туманный статус «этнических территорий».

С этим предстояло работать, создавая прежде невиданные модели управления, пользования и контроля. К работе над краевыми законопроектами и дискуссиям по этой теме комиссия привлекла не только заинтересованных депутатов, но и всех, кто имел свои интересы на этих территория, включая аборигенов. Это были представители муниципальных властей районов и поселков, ученые, лесопромышленники, охотоведы, геологи, педагоги, транспортники, работники потребительской кооперации, игравшие тогда ведущую роль в снабжении таежных сел и сбыте продукции промыслов.

— Это было упоительное время освобождения всего Приморья, никогда не ведавшего подлинной открытости миру и свободы общения с ним. Мировой опыт обустройства жизни в только что открытый край и город несли наши многочисленные коллеги-экологи. Никто не боялся тогда шпионов и агентов иностранных спецслужб — мы были просто безумно интересны зарубежным гостям своей природой и культурой. Ничуть не меньше и нам были интересны они. Одной из первых таких групп, сильно заинтересованных в защите Бикина, были три уже знаменитых в мире эколога — защитник тропических лесов и их аборигенов Джон Сид из Австралии, Патрик Андерсон из Гринпис и американец Билл Пфайффер, взявшийся обеспечивать нарождающееся экологическое движение России первой компьютерной связью. Как они проведали о Бикине и удэгейцах, теперь уж и не вспомнить. Но мы с Фондом коренных народов благодаря этой троице получили один из первых на Дальнем Востоке портативный компьютер в 4 кило весом с модемом, и наказ — регулярно информировать зарубежных коллег обо всех рисках, грозящих бассейну Бикина.

Зарубежные экологи, уже прослышав о намерениях американского лесопромышленного гиганта «Вайерхаузер» ворваться в девственные леса по соседству в Бикином в Хабаровском крае, спешили предостеречь местных собратьев и коренных жителей от поспешных шагов навстречу мировому капиталу: они знали, какими катастрофами это грозит территориям девственной тайги. Но не менее важным для новых приморских законодателей был и основной принцип, которым руководствовалось международное экологическое движение с учетом многолетнего опыта: нельзя навязать никакую природоохранную модель конкретной территории, если не учесть и не уважать интересы и нужды ее коренного населения. То есть, бурно кипящему в крае «первичному бульону» гражданского природоохранного движения был сразу задан важнейший ориентир: если ты озабочен сохранением тайги и ее редкостей, действуй только вместе с коренными таежниками. Тогда и не ошибешься.

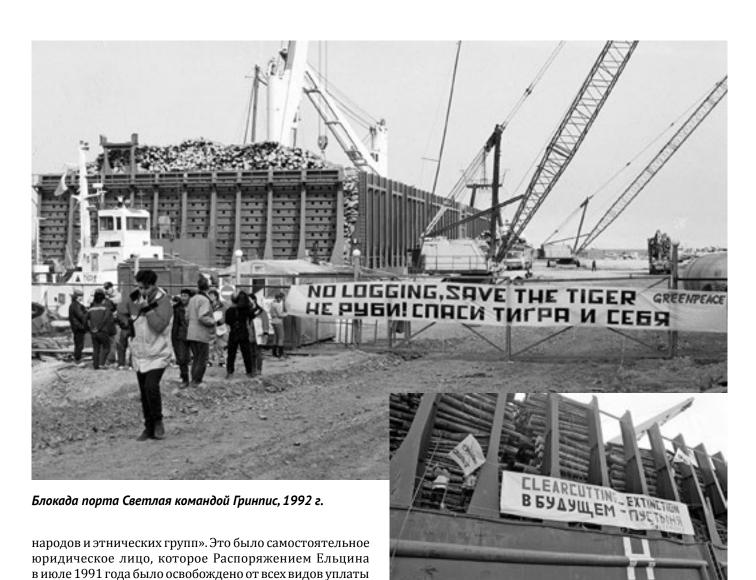
Назад — к капитализму

Территория Верхнего и Среднего Бикина была в то время закреплена за бригадами удэгейских охотников в виде 24 промысловых участков госпромхоза "Пожарский". Все они активно опромышлялись зимой и летом с использованием моторных лодок и авиационной заброски в верховья, открывая доступ городским потребителям и самим удэгейским семьям к пушнине, мясу, рыбе, дикоросам, кедровому ореху, ценным корням, травам и ягодам. Можно спорить, насколько эта экономика была эффективной для нацеленного на оборону огромного государства, но для таежного комплекса и местного сообщества жителей Бикина она была абсолютно устойчива и, как теперь говорят — неистощительна. Животным, включая тигров, птицам, рыбам

и людям всего хватало, в том числе и дров для отопления домов зимой. Все, что изымал человек из природы, успешно восполнялось экосистемой и находило благодарный сбыт в городах через государственные и кооперативные структуры. Магазины типа «Дары тайги», торговавшие продукцией от прямых поставок из лесных промысловых хозяйств, до сих пор помнятся жителям всех городов региона, и замены им так и не возникло.

Единственное, чего не мог дать госпромхоз удэгейцам, это гарантия прав на сохранение традиционной экономической модели в условиях свободного рынка и наступившего практического безвластия. Новые выдвиженцы в управление муниципальными территориями не имели рыночного опыта и просто ждали всего от края. Равно как и край после октябрьского переворота 1993 года ждал новых идей, инструкций и поддержки от федерального центра. Но Центру, втянутому заморскими консультантами в гибельные буржуазные эксперименты с народной собственностью и богатыми ресурсами страны, было не до регионов, особенно далеких, быстро теряющих транспортные и иные экономические связи друг с другом и Москвой. И уж тем более было не до надоедливых аборигенов, требующих себе исключительных прав на то, чем спешили поживиться сами новые властители, вдруг избавленные от строгого партийного и народного советского контроля. Единственное, на что мог надеяться приграничный Дальний Восток и что его реально спасало от вымирания — вдруг ставшие прозрачными границы с Китаем, Кореей, Японией и Америкой. Открывался невиданный доступ к новым рынкам, инвестициям, связям, новым формам туризма.

Для использования этих возможностей нужны были и новые формы хозяйства и управления территориями. Понимая это, создатель краевой Ассоциации удэгейцев Павел Суляндзига вместе с Евдокией Гаер, ставшей тогда знаменитой сподвижницей Председателя Верховного Совета РСФСР Бориса Ельцина, основал в крае филиал созданного ею «Международного Фонда развития малых

налогов, таможенных пошлин. Через него планировалось наладить прямые поставки уникальной таежной продук-

Гринпис против вывозки Бикинского леса. Акция в пос. Светлая, 1992 г.

— Дуся Гаер, из нанайцев, научный сотрудник Института истории и этнографии во Владивостоке, была одним из замечательных
человеческих открытий этой бурной эпохи.
Став депутатом Верховного Совета СССР
в 1989 году, она быстро сошлась с Борисом Ельциным и надолго стала главным, и достаточно
громким голосом коренных народов в высших

ции потребителям в соседних странах, которые буквально

рвались посетить загадочный Дальний Восток, Приморье

и особенно Бикин. Важно напомнить, что это было еще и время освоения первых компьютеров и электронной связи, без которой приморцам, а тем более живущим

в дикой тайге удэгейцам и мечтать не приходилось

о реальных рыночных контрактах, сертификатах и экс-

портных квотах на продукцию своих промыслов. Здесь

и пригодились иностранные ходоки-экологи, зачастившие в заповедный край — они и обеспечили эту связь.

эшелонах власти сначала Союза, а потом и новой России. Вернувшись с исторического всемирного Форума по устойчивому развитию в Рио де Жанейро в 1992 году, она не поленилась привезти с собой внушительный и тяжелый набор публикаций по стратегии и практике взаимодействия коренных народов и природоохранного сообщества в разных регионах мира. Сама она не читала по-английски, и передала всю эту бесценную коллекцию знаний в распоряжение нашей краевой депутатской комиссии. Этот опыт и лег в основу наших с Суляндзигой первых нормативных документов, регулирующих природопользование на Бикине и других удэгейских территориях Приморья.

Автор с членами Совета Greenpeace International обсуждает акцию на Светлой, 1991 г.

Совсем неспроста краевые депутаты тогда избрали первым губернатором никому не известного, местного ученого-международника, выпускника МГИМО из системы Академии Наук. Народные избранники надеялись, что он привлечет в край желанные инвестиции и зарубежных консультантов, сохранив в ходе начатой приватизации основы существующей экономической инфраструктуры. И он по-своему «оправдал» эти надежды: не стал мешать рыбацким директорам распродавать по дешевке, но с личной корыстью могучий флот, плавбазы и заводы, лесопромышленникам — гигантские лесокомбинаты, аграрникам — животноводческие комплексы. Шла повальная распродажа народного хозяйства — на разорение и личное обогащение вчерашних именитых держателей партбилетов КПСС. Губернатор помог и нашим лесопромышленным «генералам» заманить богатыми лесными ресурсами края южнокорейского промышленного гиганта Хёндэ. Так началась затянувшаяся на несколько лет скандальная и поучительная эпопея совместного лесозаготовительного предприятия «Светлая», посягнувшего на промышленные рубки в верховьях Бикина, где веками охотились удэгейцы.

СП «Светлая» на волне перестройки

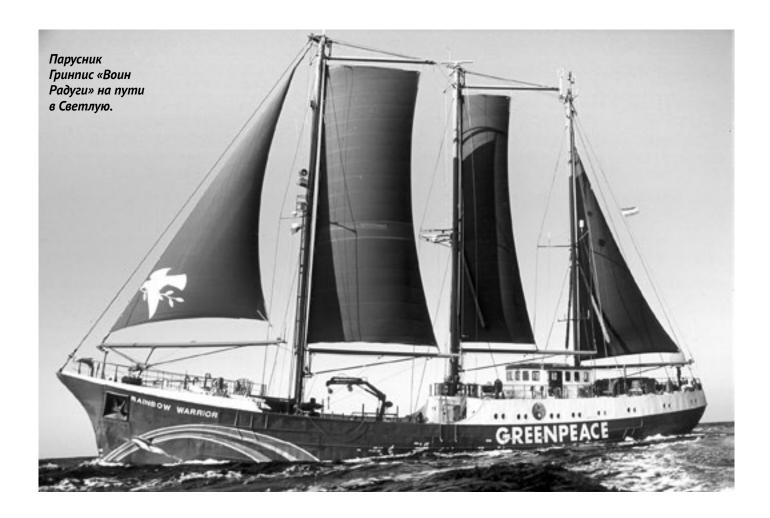
«Долговременная программа охраны природы и рационального использования природных ресурсов Приморского края до 2005 года», в просторечии — Экологическая программа, принятая Крайсоветом в июне 1991 года, в специальном разделе «Система охраняемых природных территорий» предусматривала резервирование и выделение в особый природоохранный фонд «этнических территорий». В их числе главными значились верхняя и средняя части бассейна Бикина площадью

12500 кв. км. — основное место проживания и промысла удэгейцев. В той же программе верховья Бикина площадью 71000 га отнесены к перспективным для охраны территориям уссурийской тайги. В качестве объектов охраны там указываются: комплекс елово-пихтовых лесов, обогащенный видами маньчжурской флоры и третичными реликтами, 20 видов растений, включенных в Красную книгу, 34 вида сосудистых растений, произрастающих на границе своего ареала.

Однако, этих решений Крайсовета оказалось недостаточно для ограждения верховьев от попытки развернуть здесь сплошные рубки главного пользования. Стоит напомнить, что еще раньше, до избрания нового Крайсовета, советские власти рассматривали возможность допуска на верхний Бикин и соседнюю Самаргу кубинских лесозаготовителей в рамках межправительственного соглашения. С развалом СССР эти планы быстро забылись, но на их месте возникли новые, во многом более рискованные для территории. Руководство «Тернейлеса», отколовшегося в ходе приватизации от краевого государственного «Приморлеспрома», умело использовало поддержку губернатора для разработки своего проекта в бывшем ГУЛАГовском поселке Светлая на побережье Японского моря. Надеясь сохранить за собой выделенный еще в советские времена лесфонд верхнего Бикина и вложить его в совместное предприятие с корейцами как свою долю капитала, лесопромышленники создали для обработки общественного мнения легенду о необходимости срочно «спасать» усыхающие ельники Пейско-Нахтахинского плато в Бикинских верховьях.

Ельники там действительно периодически высыхают, причины этого процесса до сих пор до конца наукой не выяснены. И для журналистов, которым охотно показывали желтеющие массивы с вертолета, легенда о том, что их срочная массовая вырубка принесет экономическое процветание всему северному Приморью, сразу выглядела сомнительной. Ни на что, кроме низкокачественной целлюлозы, сухие елки Бикина на самом деле не годились. А японскому промышленному гиганту «Сумитомо», главному покупателю древесины от «Тернейлеса», а с некоторых пор и фактическому владельцу этого приморского холдинга, с Бикинских верховьев на самом деле была нужна полноценная, «живая» древесина. И самое главное: пока СП «Светлая» проходило этапы согласования, становления и строило вахтовый поселок для корейцев, законодатели успели изменить советские правила предоставления лесного фонда в пользование компаниям. Право на заготовки в Пожарском районе, то есть на Бикине, «Тернейлес» утратил. Чем и воспользовались защитники Бикина.

Среди них к началу 90-х сразу обозначилась знаковая фигура удэгейского лидера Павла Суляндзиги, ставшего главой поселка, создателем краевой Ассоциации коренных народов и Фонда их поддержки. Аборигенное движение испытывало небывалый подъем, перечисленные выше государственные документы давали серьезные надежды на получение своих вековых угодий в полное

распоряжение. Конечно, для развертывания рыночного хозяйства нужен был совсем новый опыт, и в его поисках лидер и актив Ассоциации и Фонда естественным образом объединили усилия с экологами, чье движение испытывало те же трудности становления. Задачи были общие — сохранение девственной тайги как бесценного природного достояния и источника жизни для аборигенов. Противник был очевиден — СП «Светлая» и крупные местные лесопромышленники, посягавшие на древесину из той же самой тайги. И угроза была понятна — два крупнейших мировых рынка Японии и Китая рядом, способные поглотить, казалось, неограниченные объемы древесины, не замечая других ценностей уссурийской тайги.

Гринпис на Дальнем Востоке

Это время было наполнено столь стремительными и радикальными переменами, что отслеживать их надо бы едва ли не по дням, или по крайней мере по месяцам.

Решения — законодательные, управленческие и коммерческие — принимались лихорадочно, безграмотно, азартно — никто и думать не хотел об опасных последствиях, да если бы и хотел — не знал, как их предотвратить. Две встречные волны мирового капиталистиче-

ского опыта, промышленно-ресурсная и природоохранная, ворвались на Дальний Восток как цунами, порождая фейерверк инициатив с обеих сторон и неведомых рисков для граждан, быстро теряющих привычные жизненные ориентиры, материальные и духовные опоры.

Еще в закрытом Приморье, в единственно открытой миру Находке в конце 1980-х состоялся очередной Тихоокеанский конгресс демократических сил — был такой интересный формат в советские времена для поддержки антикапиталистических движений в регионе за счет ресурсов СССР. Тогда уже от страны откалывались солидные куски в виде Прибалтики, но о крахе страны никто не думал — немыслимо! И вот, пользуясь начавшейся горбачевской перестройкой, в Находку устремились люди, жаждущие больше узнать о наглухо закрытом советском регионе — Дальнем Востоке, о его гражданских и экологических проблемах. Под эту марку Гринпис, самая популярная в мире экологическая организация, решила пригнать в город свое судно — яхту «Вега» с международным экипажем. Яхту поставили к причалу, но допуска на берег экипажу не было дано — на страже стоял пограничник.

Однако в Конгрессе официально участвовали два представителя всемирно известной и уважаемой организации Гринпис — Джош Хэндлер из Вашингтона и Фэйт Дохерти из Великобритании. Джош координи-

ровал международную кампанию за безъядерные моря и, естественно, жаждал получить какую-то информацию о последствиях приморского «мини-Чернобыля» — взрыва на атомной подлодке на заводе в Чажме в 1995, за год до катастрофы в Чернобыле. А Фэйт вела кампанию в защиту лесов и уже имела достаточное представление о нарушениях прав коренных народов компанией «Хёндэ» при лесозаготовках в тропических странах.

— Мы встретились в Крайсовете во Владивостоке, куда Фэйт и Джошу удалось приехать накоротке. Обменялись контактами, и сразу родилась идея масштабной акции на Светлой в защиту Бикина с участием славного парусника Гринпис «Воин Радуги» ("Rainbow Warrior"). Это была достаточно безумная идея в до-интернетовские времена, чтобы стать реальностью спустя три года. Особенно с учетом того, что активисты Гринпис в рамках акции решили попытаться войти парусником в наглухо закрытые бухты ТОФ, прежде всего — в саму Чажму. Детали и способы связи обсудили в Находке на яхте «Вега», куда мне удалось пробраться сквозь пограничный пост, используя удостоверение депутата Крайсовета. Впрочем, и сами пограничники, стоявшие у причала на страже «опасных иностранцев», были вполне снисходительны и вовсе не враждебны. Они дозволяли многим добровольцам Находки передавать продукты на яхту и общаться через условную границу — с причала на борт, на простом английском, который в Находке всегда знали многие.

Все инициаторы будущей акции взялись за дело с энтузиазмом ничуть не меньшим, чем новообразованное СП «Светлая». От зарубежных коллег была получена возможность связи по электронной почте — организация Билла Пфайффера из Нью Йорка просто подарила мне портативный компьютер с модемом. Тяжелый и громоздкий, но это был бесценный выход в мир, тоже через крайне несовершенный российско-американский ресурс по имени sovam-teleport. Освоение этой связи и самого компьютера было поистине каторжным трудом, но нас вдохновляла великая задача — акция великого Гринпис! Павел Суляндзига тем временем принял предложение Уссурийского казачьего атамана, в прошлом военного журналиста Виталия Полуянова о помощи в защите тайги от «корейского вторжения» — именно так некоторые патриотически настроенные граждане относились к планам СП «Светлая» на верхнем Бикине. Казачество не могло оставаться в стороне, прослышав о готовящейся гражданской акции удэгейских активистов.

Пользуясь своим авторитетом в Пожарском районе, Павел заранее договорился в райцентре Лучегорске о финансовой поддержке акции на бикинско-светлинском перевале. Поддержку оказал, при согласии руководства, тогда еще влиятельный профсоюз главного предприятия района — ЛуТЭК, основного производителя электроэнергии в крае. Энергетики оплатили заброску пикетчиков в верховья Бикина самолетом на оставшуюся еще со времен войны посадочную полосу для малой авиации. О том, как добирались до перевала и границы Тернейского и Пожарского районов, как держали на лесовозной дороге этот уникальный пост, ветераны акции — удэгейцы до сих пор с удовольствием и волнением рассказывают своим детям и внукам. Но эта акция в те времена, при полном отсутствии спутниковой и мобильной связи, вряд ли стала бы эффективна, если бы одновременно Павел Суляндзига не организовал на площади перед Белым Домом во Владивостоке другой пикет. Это был такой же палаточный лагерь со старейшинами Красного Яра Сусаном Геонка, Надеждой Адян, Евдокией Канчуга, Александром Пеонка. Они приехали с детьми, и с ними на площади, так же, как на далеком перевале, неотступно дежурили казаки при всей своей торжественной форме и амуниции.

Наша депутатская комиссия Крайсовета продолжала готовить пакет нормативных документов, нацеленных на полный запрет любых рубок в лесах верхнего и среднего Бикина и на защиту прав аборигенов с опорой на уже действующие федеральные законы и апрельский Указ Президента 1992 года. Несомненно, такие решения в их пользу стали в немалой степени отражением огромного внимания мировой общественности к итогам пикетов, акции Гринпис и визиту парусника «Воин Радуги» в Светлую, которая была реализована летом 1992 года. Она сопровождалась блокадой лесного порта на сутки: весь экипаж парусника стоял шеренгой у закрытых на замок портовых ворот, выдерживая возмущение и угрозы корейских менеджеров и местных чиновников. Славной компенсацией этим угрозам было подлинное братание местных жителей с защитниками природы из разных стран — нам приносили горячий чай с домашними пирожками, то и дело возникали жаркие дискуссии на смеси языков и жестов.

Кстати, спустя время стало известно, что компания «Хёндэ» подала на Гринпис иск в международный суд в Гааге о компенсации крупного ущерба от простоя порта, и — проиграла. Это, похоже, стало началом скорого краха всего авантюрного предприятия. Всю энергетику этого общенародного протеста против неразумного и опасного вхождения в край корейского индустриального гиганта «Хёндэ» переоценить невозможно, как нельзя приписать заслугу в организации акции кому-то одному или даже группе людей. Это был без преувеличений первый в истории нового Дальнего Востока опыт международного гражданского протеста, направленного на защиту природного комплекса. И роль удэгейского сообщества вместе с лидером Павлом Суляндзигой в нем была неоценима.

Во время перехода парусника из бухты Чажма в Светлую мы с его борта вместе с Фэйт Дохерти по спутниковому телефону, невиданному тогда в России, вели неустанные переговоры с нашими пограничниками, которые пытались просто вытолкать судно за пределы территориальных вод, чтобы не впустить в Светлую. Сторожевик совершал вокруг парусника опасные маневры в ночном неспокойном море, пока я как депутат Краевого Совета убеждал начальника Погрануправления, что наша цель — всего лишь защита интересов государства и его граждан от незаконных притязаний капиталистических корпораций на наши ресурсы. Одновременно Фэйт сумела выйти на прямую связь с президентом компании Хёндэ Чан Чжу Йонгом, который тогда баллотировался на пост президента Южной Кореи. Ему по телефону в богатых красках было рассказано о значимости природы и лесов Бикина для удэгейцев и сохранения краснокнижного тигра, о незаконных притязаниях СП «Светлая» на верховья Бикина, о негативной информационной кампании против «Хёндэ», которую Гринпис будет вынужден развернуть в мировых СМИ, если корейцы не остановят своих приморских партнеров в их попытках войти на Бикин. Эти разговоры шли на переходе вдоль Приморских берегов, пока перед нашим форштевнем крутился пограничный сторожевик. Признаюсь — вряд ли еще когда в жизни я ощущал себя на таком острие политической борьбы

за судьбы людей и территорий, как в те минуты, хотя и позже, в лесах Орегона с протестующими активистами, и на трибуне ООН подобное случалось.

Первые ТТП России

За бурными событиями кратких лет демократии и открытости, направленными на защиту бикинских верховьев, нельзя недооценивать и значение усилий по обеспечению полноценных прав традиционного природопользования на среднем Бикине — в непосредственной близости к «столице» аборигенов — Красному Яру. В 1992 году, исполняя апрельский Указ Президента, под давлением уже широко известной в России и в мире защитницы прав аборигенов Евдокии Гаер и ее соратника в крае, руководителя Ассоциации Павла Суляндзиги, Постановлением от 11 июня губернатор придал статус ТТП средней части бассейна, в границах орехово-промысловой зоны. Хотя эта территория была и без того хорошо защищена лесным законодательством от рубок, одна из первых в России ТТП, созданная после президентского Указа, вывела Бикин в лидеры борьбы за права коренных народов в стране, наряду с соседним Хабаровским краем: там в это же время была создана сразу серия таких территорий.

Охота — главный промысел древнего народа.

Признаться, сопротивление и этому, не слишком значимому для удэгейцев решению (земля-то оставалась в федеральном лесфонде) среди чиновников и депутатов было серьезным. «Сколько их там, аборигенов? — вопрошал чиновник природоохранного управления. — Тысяча? Зачем им столько тайги? Это несправедливо!» На самом деле и эти 400 с небольшим тысяч гектаров составили меньше половины таежных земель среднего и верхнего Бикина, которые аборигены пытались узаконить как свои традиционные угодья. Не удалось получили, в сущности, подачку. Постановление было чисто декларативным, не подкреплялось ни федеральными ресурсными законами, ни должными инструментами и регламентами. Оно ничего, по сути, не обеспечивало для удэгейцев в смысле прав на охоту, промыслы и рыболовство. И все же политическое значение такого акта тогда было существенно. Тем более, что над его обоснованием, реализуя поручения верховной и краевой народной власти, трудился большой коллектив авторитетных ученых дальневосточных институтов под руководством Виктора Богатова и Всеволода

Розенберга. Итог этого научного труда был скромно издан в 1993 году и стал базой для многих последующих некоммерческих проектов, ориентированных на сохранение Бикина и его традиционных моделей природопользования.

Не менее, а может и более важным этапом в этой борьбе стали последующие, подлинно исторические документы, принятые Советом Национальностей и Крайсоветом Приморья в 1993 году. В феврале вышло Постановление Совета национальностей Верховного Совета «О сохранении природного комплекса среды проживания удэгейцев, нанайцев и орочей в Пожарском районе». В нем было дано поручение «обеспечить закрепление угодий в верховьях реки Бикин как ТТП, присоединив ее к ранее выделенной территории в среднем течении реки Бикин». Это было принципиально важно — после отпора, данного международным сообществом на верховьях совместному предприятию «Светлая», внедрить в сознание людей, чиновников и главное законодателей восприятие двух частей бассейна как единого природного комплекса, несмотря на разный правовой статус. Точнее — привести их к единому правовому статусу, как и было предложено в Экологической программе.

Развивая эту задачу, краевой закон «О защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Приморского края» в августе 1993 года установил особый режим лесопользования в верхней и средней частях бассейна Бикина на общей площади 1250 тыс.га и дал поручение исполнительным органам о переводе этих лесов в 1 группу. По сути это уже был реальный запрет лесопромышленникам на вхождение в бикинский водораздел. Но главное, в истории новой России это был первый официальный нормативный акт регионального уровня, дающий всем местным жителям территории равные с коренными удэгейцами права и приоритеты на использование биоресурсов тайги и реки. В последующие годы такой подход и такие ограничения промышленного использования аборигенных территорий активно тиражировались в других регионах на землях коренных малочисленных народов.

Все это могло работать лишь в условиях, когда местное сообщество удэгейцев получило бы прямой выход со своей продукцией на международный рынок, только что открытый и во многом непонятный таежникам. Понимая это, мы в рамках Фонда поддержки коренных народов пытались выстроить нормальную систему экспорта экологически чистых продуктов с территории в Японию и Китай. Прежде всего с новыми природоохранными властями в крае и Москве обсуждались возможности экспорта кедрового ореха, ягод лимонника, корней элеутерококка, папоротника, пушнины и мяса напрямую, минуя федеральных закупщиков и опираясь на права, данные краю Федеративными договорами. Теоретически — все было возможно, но формально некомпетентность и боязнь чиновников и самих поставщиков,

Культурное пчеловодство в Красном Яре сменяет бортничество.

помноженная на стремительные трансформации законов и правил, создавали на этом пути непреодолимые преграды. Не было ни правил квотирования заготовок, ни методики хранения и сертификации продуктов, приемлемой для зарубежных покупателей, ни внятных таможенных правил. Дело не пошло, и Госпромхоз в Красном Яре оказался обречен на убийственную затяжную приватизацию, сопровождаемую годами государственного забвения, нищеты и вынужденного браконьерства.

Отзвуки государственного переворота

Демократические перемены начала 1990-х пробудили в разных слоях общества, естественно, не только здравые и патриотичные силы, но и столь же естественные пороки, ранее сдерживаемые строгим надзором компартии. Мудро сохраненный в соседнем Китае, от которого Приморье стало полностью зависеть как от единственного реального рынка сбыта ресурсов, этот контроль у нас был уничтожен волею президента до основания. Обретенная вдруг безграничная свобода действий для вчерашних почти рабов тоталитарной системы оказалась губительна. Те, кто был при власти в малых поселках и районах — растерялись, утратили ориентиры, и по привычке ждали команды свыше. А свыше власть уже переходила к тем, кто искал только наживы, ловко пользуясь криминальной приватизацией и формируя первые капиталы нынешних олигархов.

Все это привело в итоге к трагическому перевороту в октябре 1993 года, расстрелу и роспуску в России демократической Советской власти — Верховного Совета. Вместе с его многоголосием и разнообразием взглядов

на будущее России были уничтожены многие зачатки подлинно федеративного и социально ориентированного государственного управления. Прежде всего — аннулированы Федеративные договоры субъектов с центром, четко разделявшие сферы распоряжения территориями, ресурсами и доходами. Без таких договоров все правовые предпосылки для создания ТТП потеряли большую часть смысла. Началась безудержная капитализация общественных отношений и власти, отказ от едва зарожденных демократических выборов, обратный разворот к централизации и обнищанию ресурсных регионов и прежде всего малых, в том числе этнических поселков.

В Приморье Советы всех уровней были распущены по указке буржуазного реформатора и антикоммуниста Ельцина, хотя во многих регионах их удалось сохранить. С роспуском Советов большое количество законодательных решений, наработок и проектов было просто выброшено в корзину. Архив нашей краевой депутатской комиссии по экологии и природопользованию в мое отсутствие чудом удалось вынести и сохранить моей жене Людмиле. Впоследствии эти материалы, уже в рамках зарегистрированной общественной организации, не раз пригождались при подготовке новых моделей природопользования и в новых пропагандистских кампаниях в защиту прав природы и коренных народов. А в крае начали создаваться новые правила управления и использования таежных территорий, На сей раз с очевидным приоритетом интересов тех, кто успел нажиться в смутные времена за счет народного достояния и природы и сформировал новые избирательные законы тоже исключительно в интересах богатых. Новые органы законодательной власти стали называть Думами. Началось формирование парламентских партий, а в глубинке, на Бикине — борьба за выживание при острой нехватке средств, прав, внимания властей, топлива, электричества и внятных правил приватизации невеликого имущества села и Госпромхоза.

Заграница приходит в тайгу

Дружное сообщество защитников Бикина, экологов и удэгейцев, возникшее в годы краткого расцвета демократии вокруг краевой депутатской комиссии, Ассоциации и Фонда коренных народов, пыталось приспособиться к новым временам по-своему. Павел Суляндзига в краевой администрации продолжал добиваться устойчивой транспортной связи удэгейских территорий с районными и краевым центрами, надежного снабжения и обеспечения электроэнергией в условиях острого энергокризиса в регионе. В 1995 году он стал советником губернатора по делам аборигенов, и параллельно развивал активное взаимодействие между краевой и Российской Ассоциациями коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока (ее в просторечии, с подачи Павла, начали называть Райпоном по звучанию англоязычной аббревиатуры RAIPON). В итоге в 1997 году Павел был избран первым заместителем ее Президента, сохраняя при этом и должность лидера краевой Ассоциации.

В 1994-1995 годах, когда я заведовал отделом международных связей Крайкомприроды, мы продолжали тесно взаимодействовать с Ассоциацией в привлечении иностранных групп на Бикин и организации их поездок, дающих лишенным устойчивой зарплаты жителям Красного Яра неплохие доходы за обслуживание туристов. В основном в то время это были американцы и японцы, представители и волонтеры общественных организаций и ученые. Главным «интересантом» территории после впечатляющей акции Гринпис стала молодая но быстро крепнущая организация из Сан Франциско «Тихоокеанский центр окружающей среды» (Pacific Environment and Resources Center — PERC) и ее свободно говорящие по-русски представители Дэвид Гордон и Миша Джонс. Благодаря начавшимся регулярным прямым авиарейсам из Владивостока и Хабаровска в Сан Франциско, с ними приезжали ученые, природоохранные активисты и представители благотворительных фондов, готовых выдавать гранты на оценку состояния природных комплексов Дальнего Востока и поддержку устойчивого природопользования местных общин.

Это был своего рода научный туризм без всякой инфраструктуры, регламентов и специальной подготовки. Бикин и простая жизнь его людей, растворенных в тайге и зависимых от нее, просто открывались миру, впитывая новые знания и опыт и делясь своим, не менее удивительным для зарубежных гостей. Именно через эти

контакты новых зарубежных друзей на Бикине с приморскими учеными и активистами были вскоре реализованы масштабные научные международные проекты. Первым из них стал проект «Уссури» — экологическая оценка природных комплексов и перспективное зонирование всего российско-китайского бассейна реки и ее главных притоков, включая Бикин, с точки зрения принципов устойчивого развития. Итоги совместной работы дальневосточных ученых с группой американского эксперта Джорджа Дэвиса вместе с картами были переданы властям всех территорий бассейна в 1996 году. Эта интересная эколого-географическая работа впервые творчески объединила американских, дальневосточных и китайских специалистов, занятых стратегическим планированием развития региона с учетом экологических приоритетов.

Дэвид Гордон, 1992 г.

Миша Джонс, 1998 г.

Другой зарубежной экологической организацией, всерьез «положившей глаз» на этническо-природную территорию Бикина, стало японское подразделение одного из крупнейших глобальных природоохранных сообществ «Друзья Земли», действующего более чем в 60

странах. Руководил этой небольшой интернациональной командой активистов в Токио американец Джош Ньюэл, организовавший в 1994 году вместе со своим японским помощником Эйичиро Ногучи первый эколого-туристический десант на Бикин. Последствия этого десанта были для новой истории удэгейского сообщества и всего Дальнего Востока очень многозначны. Его инициатору удалось на основе собранных на Бикине и во Владивостоке материалов и контактов с местным активом выстроить совместный многолетний проект с Международным Союзом Охраны Природы — МСОП, названный «Экологические горячие точки Дальнего Востока. Приоритеты охраны». В январе 1995 года во Владивостоке была проведена стартовая конференция, запустившая этот проект. По ее итогам издана брошюра, в которой защита бассейна Бикина стоит на первом месте в ряду других территорий Дальнего Востока. А завершился проект три года спустя в Якутии на борту теплохода, совершившего круиз до Ленских столбов. Здесь была заложена основа ныне знаменитой Сосновской природоохранной коалиции экологических и аборигенских организаций Дальневосточного региона, очень скоро приросшая и обогащенная коллегами из Сибири и активно действующая до сих пор.

Тигр — хозяин Бикинской тайги.

Первый визит японских эко-туристов на Бикин сформировал и другую традицию, быть может менее заметную со стороны, но крайне важную для местного удэгейского сообщества. За три часа лёту от суперурбанизированного и перенаселенного Токио, с пересадкой в Хабаровске, японские рабы офисов, технологий и корпораций вдруг погружались в девственный, давно позабытый мир дикой природы, в простой и неспешный таежный быт. Эмоциональный эффект от такого погружения для японцев был оглушителен, и автору этих строк довелось его пережить лично, как нечто совершенно незабываемое. В самой первой группе в середине 1990-х это были, в основном, студенты, молодые парни и девчата, не видавшие в жизни ничего кроме токийского метро и тесных жилых клеток. Они плакали, когда пришло время уезжать. И мы их понимали.

Автор с удэгейскими лидерами и Эйичиро Ногучи, 2011 г.

Усилиями Эйичиро Ногучи, влюбившегося в Красный Яр и Бикин, такие туры стали регулярными и организуются уже более 20 лет дважды в год. Эйичиро с друзьями создал ради этой деятельности в Токио свою некоммерческую организацию «Тайга-форум», снял вместе с Юки Миками документальный фильм на трех языках «Услышь тайгу», который посетители нынешнего нацпарка смогут при желании купить. А мы полагаем уместным привести здесь очень краткую подборку впечатлений японских гостей от пребывания на Бикине. Они в целом очень похожи, потому что у японцев просто не хватает слов, адекватных пережитым эмоциям. Но главное, эти эмоции — гарантия того, что японский поток туристов на Бикин никогда не иссякнет, и может уверенно расцениваться администрацией парка как стабильный источник доходов.

- Для меня это был уникальный опыт. Приобщение к жизни на Бикине подарило нам много такого, что японцы в своей повседневности утратили. Я верю, что при всей разнице наших жизненных стандартов, никто из нас эти уроки не забудет.
- Чувствовать и видеть эту девственную Тайгу и чистую реку было восхитительно и комфортно! Люди здесь предельно добры и дружелюбны, как будто мы с ними дружны много лет. Это напомнило мне далекое детство, его утраченное ощущение глубокого единства с природой люди Бикина до сих пор хранят это! И надеюсь, никогда не утратят.
- Меня поразило, что люди в глухой тайге дали нам возможность спать на кроватях! Общаясь с удэгейскими охотниками и рыбаками, деля с ними таежную трапезу, слушая их истории и легенды, я понимал истоки их силы и мужества, и был счастлив, приобщаясь к ним.

- Амурский тигр, священный для жителей Бикина моя давняя страсть. В наших походах по тайге, в сувенирах и танцах, я всюду видела его следы, знаки и образы. И его мудрость и спокойная сила, казалось, наполняла весь дом и все наше общение с хозяевами, у которых я жила.
- Я очень волновалась перед отъездом на Бикин
- дикая тайга, дикие люди!

Но хозяева, у которых мы жили, были так добры и внимательны, еда чудесная, особенно здешний мед. Благодаря этому удалось победить и страх от ночных походов в туалет — в конце концов это стало даже развлечением! Очень увлекательной и полезной была и поддержка огня в печке, и мытье посуды с минимальным расходом воды, и столь же экономная баня. Даже остатки еды, что мы не могли осилить, с удовольствием доедали собаки — ничто здесь не пропадает.

Одновременно особого внимания требовало изучение и пропаганда среди таежных жителей тех положений нового лесного, земельного и природоохранного законодательства, которые регулировали использование ресурсов на территориях коренных народов. Средний Бикин был, казалось, неплохо защищен как орехопромысловая зона и ТТП, верховья — своей недоступностью. Но тревогу вызывали быстро распространяемая в крае практика самовольных рубок, охотничье и рыболовное браконьерство, вызванное резким обнищанием таежных жителей. Беспокоило и столь же быстрое проникновение на территорию китайских скупщиков круглого леса и других таежных ресурсов — кедрового ореха, дериватов редких животных, используемых в традиционной медицине. Приватизация лесозаготовительных и таежно-промысловых хозяйств, государственных и кооперативных, вместо ожидаемого всплеска частной инициативы малограмотных таежников, в условиях рухнувшей государственной социальной инфраструктуры дала обратный эффект — бедность, энергетический коллапс и бегство в города в поисках заработка. Оборотной стороной этого процесса для тех, кто остался, стало выживание за счет ресурсов тайги, самовольные лесозаготовки и бесконтрольные промыслы..

Охрана природы как система

По мнению многих таежников, пришествие китайских скупщиков на забытые Богом и правительством лесные угодья стало в середине 1990-х годов подлинным спасением сел от реального вымирания и повального бегства в города. У людей появились живые деньги — не от государства, как прежде, а от скупщиков-китайцев, как реальная оплата и самого ресурса, и усилий по его добыче. Пока директор Бикинского Госпромхоза Алексей

Уза со своей командой пытался одолеть премудрости приватизации и вдохнуть жизнь в новую структуру — Национальное охотничье хозяйство (НОХ) «Бикин», традиционная охота была живым источником дохода для многих удэгейских семей, а рыбалка на реке — столь же традиционным источником выживания. Без квот, лицензий, без электричества в селе, без заправки для лодочных моторов. Эпоха бартера и вездесущего доллара от китайцев в обмен на добытые ресурсы, захватившая всю страну, не миновала и Бикинское сообщество.

Старейшина Красного Яра и общины Алексей Уза убеждает земляков: «Нацпарку сегодня нет альтернативы!»

Но история защиты Бикина тем и интересна, что в ней отражены все мыслимые и во многом противоречивые процессы, много лет сотрясавшие страну на критическом переломе. Можно выделить несколько сфер влияния на местное сообщество, которые трансформировали его облик, строили принципиально новую систему отношений между кланами и властями. Энергично менялось все ресурсное законодательство земельное, лесное, о животном мире, о недрах, о рыболовстве. И эти перемены все отчетливее отдавали приоритет ресурсной экономике и бизнесу, пытаясь вытащить эту деятельность из тени дикого бартера и заставить «кормить» бюджеты. В то же время природоохранное сообщество страны и края, объединившееся с коренными народами, спешило реализовать свои, прямо противоположные задачи — сохранить самые ценные природные комплексы, прежде всего Бикин. Этого тоже требовало федеральное и краевое законодательство и созданная вертикальная система комитетов Госкомприроды, от федерального до краевого и районных подразделений.

Огромную роль в этой природоохранной работе играла и созданная в середине 1990-х система внебюджетных экологических фондов. Для реализации задач Экологической программы края, прежде всего — создания полноценной охраняемой территории на среднем и верхнем Бикине, нужно было подготовить серьезное

На семинаре «Бикин и климат» (2015 г.)

научное обоснование. Грамотных ученых для этого в крае всегда хватало, но Академия наук в эти годы пребывала в такой же нищете, что и все общество. Ученые ресурсного профиля — биологи, лесники, геологи и охотоведы, многие из которых сформировали актив первых общественных организаций и были готовы заняться обоснованием новых заповедников и национальных парков, остро нуждались в деньгах, поскольку не имели устойчивой зарплаты. Часть этой потребности кое-как покрывал Экологический фонд, часть — гранты иностранных организаций. Именно в эти годы, 1993-96, в Москве появились официальные представительства Гринпис и WWF — Всемирного фонда дикой природы. Во Владивостоке уже активно работала наша неформальная группа поддержки Гринпис с участием биолога В.Сахарова и геолога Б.Преображенского, ставшая в 1997 году организацией БРОК. При Биолого-почвенном институте возник робкий филиал WWF, который спустя несколько лет вырос в крупнейшую общественную организацию региона.

Ведущую роль тогда в реализации многих природоохранных проектов сыграл учрежденный еще в 1990 году на советско-американской конференции в Москве Агентством международного развития США (USAID) Институт советско-американских отношений (в английской версии — Institute of Soviet-American Relations, ISAR). Его так и называли с тех пор в России много лет — ИСАР. И лишь недавно его последнее выжившее подразделение в Новосибирске, избегая политического давления при охлаждении межгосударственных отношений, вынуждено было отказаться от этого названия. Но во Владивостоке, Москве и ряде других городов бывшего СССР ИСАР много лет был реальным проводником прогрессивной природоохранной идеологии. Он поддерживал местные гражданские инициативы по всему Дальнему Востоку, направленные на реализацию принципов устойчивого развития, принятых и Россией на глобальном форуме в Рио де Жанейро в 1992 году и уже вошедших в новое российское законодательство.

Важно помнить, что в те годы связь Дальнего Востока со столицей России стала довольно зыбкой, по крайней мере связь физическая, транспортная. Билет до Москвы на самолет стоил баснословных денег, приватизация авиационных структур привела к массовым сбоям в расписании, резкому снижению количества рейсов и качества обслуживания. В то же время дальневосточники получили во Владивостоке свое американское консульство, свой грантовый американский источник для реализации природоохранных задач. Но главное было открыто прямое авиасообщение между Владивостоком и Хабаровском у нас и Сиэттлом-Сан Франциско в США. Оказалось — летать на восток, в Америку, отсюда и ближе, и порой дешевле, чем в родную столицу. Тем более, что такие полеты охотно оплачивали американцы. Этим конечно пользовались все — новоиспеченные политики, предприниматели, жулики и проходимцы с обеих сторон океана. Но пользовались и гражданские активисты из экологов и коренных народов. Мы с американцами старательно изучали опыт и проблемы друг друга, пытаясь извлечь из общения обоюдную пользу. Все понимали, какую великую мировую ценность представляют из себя пока что малонарушенные таежные комплексы и территории Дальнего Востока, сохраненные за десятилетия военной закрытости и холодного противостояния.

К 1996 году Алексей Уза при поддержке краевой Ассоциации коренных народов зарегистрировал в селе Красный Яр новую хозяйственную единицу — Национальное охотничье хозяйство «Бикин», унаследовавшее у бывшего Госпромхоза угодья в бассейне реки. К этому времени отношения удэгейцев с экологами из американского ПЭРКа в Сан Франциско стали предельно дружескими. Павел Суляндзига совершил поездку по американскому западу, где обрел новых друзей и начал выстраивать свою, уже в значительной мере глобализованную стратегию защиты прав своего народа и других аборигенов России. В этой поездке он тесно сошелся с «американским русским» — Мишей Джонсом, сыгравшим позже огромную роль в развитии всего экологического движения на Дальнем Востоке и в Сибири. Влюбившись в Красный Яр и его людей, наивных и мудрых охотников-удэгейцев, Миша просто стал жить в этом селе, помогая молодому НОХ «Бикин» выстроить новую малую экономику и вытащить гибнущую инфраструктуру из небытия перестройки. Он был неизменным переводчиком для всех приезжих иностранцев, а их тогда хватало — ученых, предпринимателей, туристов, миссионеров разного экзотического толка.

В том же 1996 году Правительство России одобрило инициативу Гринпис по созданию в стране серии первых объектов Всемирного природного наследия ЮНЕСКО. Международная Конвенция об этом действует в мире с 1972 года, но на карте планеты, покрытой десятками таких объектов, Россия до этого времени оставалась огромным белым пятном. Было принято разумное решение делегировать отделению авторитетной международной организации полномочия по подготовке необходимых материалов и списка наиболее ценных природных комплексов, достойных присвоения этого высокого статуса. Активисты Гринпис России быстро добились его утверждения для озера Байкал и подготовили список «очередников», в котором достойное место занял объект «Центральный Сихотэ-Алинь». Причем в номинацию сразу был включен бассейн Бикина как главная территория, наряду с крупнейшим в крае Сихотэ-Алинским заповедником.

Конкуренция статусов и моделей

В итоге к 1997 году вокруг идеи серьезной, «статусной» защиты Бикина от индустриальных посягательств сложилось несколько активных групп с разными сценариями. Что никак не содействовало успешной конкуренции с браконьерами и лесопромышленниками, всегда успешно защищающими свои интересы в законодательных и управленческих структурах. Московский Гринпис, более всего ориентированный на своего международного

«родителя» в Амстердаме и на Комитет Всемирного Наследия ЮНЕСКО в Париже, взялся готовить обоснование под эту номинацию с Бикином. И тут же возникла незадача: статус ЮНЕСКО требовал полноценного федерального природоохранного статуса в России, который был у Сихотэ-Алинского заповедника. Но затевалось-то все ради Бикина, где все было куда хуже. Декларативный защитный статус ТТП на среднем Бикине вкупе с орехопромысловой зоной еще можно было предлагать в ЮНЕСКО с невеликими шансами на успех. А верховья не были защищены от рубок никак, не считая несущественных ограничений, принятых Крайсоветом в 1993 году. Поэтому Гринпис России в 1997 году сразу озадачил наш только что зарегистрированный ОО БРОК созданием хотя бы краевого Верхнебикинского заказника. В надежде, что «поднять» весь бассейн до уровня национального парка будет проще, получив мандат ЮНЕСКО.

Там временем не дремало и удэгейское сообщество, обретя в лице президента своей краевой Ассоциации Павла Суляндзиги теперь, с 1997 года, и влиятельного политика федерального уровня — вице-президента российской Ассоциации, РАЙПОНа. Павел активно работал с Госдумой и правительством в рамках разных рабочих групп и проектов, пытаясь сформировать полноценное федеральное законодательство в защиту прав коренных народов и тем самым вдохнуть жизнь в региональные ТТП, чисто декларативные, созданные в 1992 году на Дальнем Востоке с опорой лишь на Указы Президента. Естественно, идеалом для Павла и его соратников был статус ТТП, покрывающий весь средний и верхний Бикин и, главное, гарантирующий удэгейскому сообществу твердые приоритетные права на землю и ресурсы, при сохранении государственного контроля. Над этой моделью для Бикина и работала в конце 1990-х, параллельно с законопроектами, его команда в РАЙПОНе.

Но было и третье, не менее, а может и более активно развивающееся направление по защите Бикина, ориентированное на сохранение ключевых местообитаний редких и исчезающих видов живой природы, Прежде всего это касалось амурского тигра, хотя и других, не менее ценных объектов вроде рыбного филина, на Бикине всегда хватало. Это направление поддерживалось Всемирным фондом дикой природы — WWF и реализовывалось его филиалами в Москве и Владивостоке. С созданием в 1995 году Специнспекции «Тигр» при краевом комитете Госкомприроды «тигриную» тему поддержали и другие богатые благотворительные фонды Европы и США. Хотя сфера их деятельности охватывала все таежное Приморье и юг Хабаровского края, приоритетными оставались до тех пор незащищенные законом части тигриного ареала, предусмотренные Экологической программой Приморья, прежде всего — девственный Бикин.

Результат деятельности этой группы защитников бассейна не замедлил сказаться. В 1997 году Правительством была утверждена федеральная целевая программа «Сохранение амурского тигра». В ней указывалось, что ведение лесного хозяйства должно исходить из приоритетов сохранения тигра в его ареале,

а гарантией этого должна была стать сеть особо охраняемых территорий — национальных парков и федеральных заказников. Во исполнение перечисленных нормативных актов краевая лесная служба взялась за обоснование охранного статуса самой отдаленной и не защищенной территории из тигриного ареала — верхнего Бикина. Для ускорения процесса все согласились выбрать режим краевого заказника. Здесь интересы государственной лесной службы и общественности — Гринпис и БРОК — сошлись. Предложенный БРОКом в качестве основы охранного режима документ 1993 года был принят лесниками за основу практически целиком. Однако, сколько ни старались экологи согласовать в Положении о заказнике полный запрет любых рубок леса на территории, сделать это в то время так и не удалось.

В итоге постановлением губернатора края в сентябре 1998 года был создан ландшафтный заказник «Верхнебикинский», площадью около 750 тысяч гектаров. Он был подчинен краевому Агентству лесного хозяйства как подразделению Рослесхоза. На территории заказника запрещались, в частности, сплошно-лесосечные рубки главного пользования и строительство дорог, не связанных с обеспечением функций заказника. Борьбу с браконьерством здесь предстояло вести Специнспекции «Тигр» при краевом комитете Госкомприроды и антибраконьерской бригаде национального охотничьего хозяйства «Бикин», которую сразу взялся поддерживать местный филиал WWF.

Напомним: в этом году был официально завершен масштабной конференцией в Якутске проект МСОП-Друзей Земли «Экологические горячие точки Дальнего Востока»,

где Бикин оставался в списке важных приоритетов и как ареал тигра, и как девственный массив уссурийской тайги, и как ключевая территория традиционного хозяйствования приморских удэгейцев. Наконец как перспективный участок будущего объекта Всемирного Наследия ЮНЕСКО. По всем этим направлениям разные структуры, государственные и общественные, получали финансовую поддержку по разным каналам. Но единой стратегии сформировать в те годы так и не удалось. Главной помехой этому оставалась извечная зависимость лесного хозяйства — хозяина федеральных лесов территории — от лесопромышленного комплекса, переживавшего во второй половине 1990-х годов период капиталистического возрождения. И столь же глубокая зависимость от ЛПК властей региона, у которых кроме леса и рыбы иных значимых источников для пополнения бюджета просто не было. Валютный кризис 1998 года еще дальше отвратил внимание властей от недавно модной, но затратной природоохранной тематики.

Экологи: глобальный интерес и угрозы

Как уже говорилось, на эти же годы пришелся буквально взрывной рост интереса иностранных гостей к девственному Бикину и удэгейцам, в большой степени инициированный акцией Гринпис и посетившими Приморье иностранными журналистами и экологами. Запу-

щенная при поддержке ИСАР и других грантовых фондов в 1995 году наша регулярная экологическая телепрограмма «Заповедано» на краевом государственном канале два раза в месяц рассказывала о множестве проблем природопользования, охраны тайги и интересов коренных народов. Еще раньше созданный журналистом Василием Солкиным центр «Зов тайги» начал выпускать одноименную газету, вскоре выросшую до красочного журнала. Освоив также производство видеосюжетов и даже фильмов о дикой природе, «Зов тайги» со временем стал знаменитым во всей стране и в мире популяризатором уникальной флоры и фауны Дальнего Востока. И тема защиты Бикина во всех ее аспектах, особенно в контексте быстро окрепшей системы нелегальных рубок по всему ДВ, оставалась в неизменном приоритете во всех специализированных и массовых СМИ края и региона.

Азарт перемен, новых форматов и открытий охватил в те годы не только защитников природы. Дальний Восток вместе с его управленцами, законодателями, журналистами, аналитиками и стратегами упивался своей открытостью миру, ослаблением границ. Во Владивостоке спешно создавались консульства разных стран, дальневосточники стремились за границы, также как заграница сама стремилась увидеть и узнать, что это такое — загадочная Сибирь и Дальний Восток. Но в этом потоке взаимного интереса между регионом и заграницей неизменно присутствовал один весьма тревожный элемент интерес необъятного рынка бурно развивающегося Китая к лесным ресурсам региона. Во многом невнятное, непрофессиональное и переменчивое лесное законодательство России и региона стало благодатной почвой для армии китайских предпринимателей — операторов лесного рынка, обеспеченных финансовой и административной поддержкой своей страны. Легальность древесины и место ее заготовки китайских скупщиков не волновали вовсе. У них были деньги, крайне нужные людям в таежных поселках. Неограниченный спрос и достаточно обширный ресурс нашли друг друга — слились в объятиях, неразрывных до сих пор, преодолевая любые природоохранные усилия и языковые барьеры.

Великую поддержку этому буму самовольных и разорительных рубок в Приамурье оказал массовый выброс бывшей военной и сельскохозяйственной техники в гражданский оборот с закрытием большинства военных городков и разорением колхозов. Грузовики, тягачи, тракторы, самопогрузчики распродавались частникам и мелким компаниям за бесценок и позволяли вгрызаться в тайгу на радость вездесущим китайцам, невзирая на бездорожье и пограничный контроль, по руслам ручьев, звериным тропам, днем и ночью, в стужу и зной. Железнодорожные тупики в районе крупных приморских станций Транссиба, брошенные в годы разрухи начала 1990-х, ожили, освоенные оптовыми лесными складами и перегрузочными площадками. А грязные и нищие приграничные городки Китая — Суйфэньхэ, Дунин, Мишань, Хэйхэ начали просто расцветать на глазах, обрастая деревообрабатывающими цехами и заводами.

Попутно проникающие в приморскую тайгу китайские лесоторговцы не брезговали и приработком, скупая и самостоятельно добывая обильные местные биоресурсы — кедровый орех, женьшень, лягушек, дериваты редких животных, морепродукты.

Такая картина новой «демократической» жизни не могла устроить никого из тех, кто был реально озабочен развитием региона, сохранением и разумным использованием его богатств на благо местных жителей и всей страны. Чем активнее и наглее становились браконьеры, самовольщики, контрабандисты и крышующие их «правоохранители» и «управленцы», тем серьезнее задумывалось международное сообщество экологов и коренных народов о способах борьбы с процветающей лесной мафией — тоже совершенно международной. Все, что творилось в тайге вокруг девственного Бикина — в бассейнах Имана на юге и Хора-Сукпая на севере, не могло не проникнуть рано или поздно и на сам Бикин. И проникало: с запада к орехопромысловой зоне подбирались лесовозные дороги с залетными воровскими бригадами, тесня зверье и опустошая лес и реку. С юга, из Красноармейского района зимними перевалами и руслами ручьев на тяжелых грузовиках пробивались самовольщики из брошенных горнодобывающих и геологических поселков. Из Хабаровска на частных вертолетах и самолетах новых «хозяев» жизни на бикинские верховья повадились целые вооруженные банды, защищенные от государственного контроля не только дикой тайгой, деньгами и оружием, но и гербовыми «корочками», полномочиями и нагло захваченной властью — самым расхожим товаром в смутные времена.

Международным ответом на этот взрыв таежного криминала вновь стала американская экологическая помощь — масштабный дальневосточный проект «Экологическая политика и технологии» (EPT), развернутый в 1998-2000 годах на территории Приморского и Хабаровского краев. Исполнительной командой проекта, финансируемой Агентством международного развития США (USAID), руководили американский эксперт Дин Степанек и его русская жена Наталья Донец. Проект собрал под свои знамена наиболее активных участников природоохранного движения двух краев с единой целью — объединить их усилия по реализации существующих и потенциальных планов и законов в сфере развития таежной экономики, сохранения биоразнообразия и редких видов, экологической пропаганды, воспитания и просвещения. Для всех, кто занимался созданием новых ООПТ, готовил проекты законов, вел антибраконьерскую работу в поселках, пропаганду экологических идей в прессе, на радио и телевидении, этот проект оказал неоценимую поддержку — финансовую, экспертную, организационную. Кроме уже названных краевых общественных организаций — WWF, БРОК, «Зов тайги» мощный стимул к развитию получили старейшая группа «Тайга» в Красноармейском районе и боевой «Первоцвет» в Лучегорске во главе с Ариной Севостьяновой, ставший главным общественным защитником дикой природы Бикина.

Ритуалы и обряды удэгейцев — важный элемент таёжной культуры.

Понимая глобальный контекст лесного рынка восточной Азии как главную угрозу ценным лесам региона и Бикина, актив ОО БРОК в содружестве с американским ПЭРКом, Друзьями Земли Японии, Глобальной лесной коалицией и другими НКО Европы и США реализовал на рубеже веков серию акций и проектов, нацеленных на создание официальных препятствий для доступа нелегальной древесины с Дальнего Востока на мировой рынок. Была издана серия аналитических докладов по этой теме, проведена новая масштабная акция Гринпис с выявлением нелегальной древесины в местах заготовки по соседству с Бикином, отслеживанием ее пути до японского порта на том же паруснике «Воин Радуги», и передачей разоблачительных материалов на встречу Большой Восьмерки с участием России на японской Окинаве в 2000 году. Это стало сигналом для всех ведущих стран к созданию системы контроля легальности древесины при экспортноимпортных операциях с лесопродукцией. Специальную презентацию по итогам акции БРОК совместно с Глобальной лесной коалицией представил на Лесном Форуме ООН в Нью Йорке в 2001 году. Тогда же в России был запущен проект Всемирного института ресурсов (WRI) «Лесная вахта России», нацеленный на выявление малонарушенных лесных массивов с использованием спутниковых снимков. Координатором проекта на Дальнем Востоке стал 00 БРОК, а главным объектом защиты и мониторинга все тот же уникальный, нетронутый Бикин.

Законодательный прорыв и реванш

Оставаясь долгие годы бессменным президентом Приморской Ассоциации коренных народов, Павел Суляндзига в эти годы успевал с предельной эффективностью реализовывать свои возможности и на феде-

ральном уровне, разрабатывая с коллегами по РАЙПОНу новое законодательство, так необходимое для защиты интересов всех аборигенов, включая удэгейцев.

В апреле 1999 года был наконец принят долгожданный федеральный Закон о гарантиях прав КМН Российской Федерации. Через год, в июне 2000 года — Закон об общих принципах организации общин КМНС. Наконец, еще через год, в мае 2001, появился и Закон о Территориях Традиционного Природопользования (ТТП).

Выходец из Кр.Яра Родион Суляндзига (руководитель инф. центра КМНС России) ведет правовой семинар для удэгейских лидеров.

Эта тройка законов радикально изменила картину и стратегию деятельности аборигенного сообщества, озабоченного сохранением Бикина. Удэгейские лидеры, Павел и его брат Родион, создавший и возглавивший в начале 21 века российский информационный центр коренных народов в Москве, поверили, что создание ТТП на Бикине — более не пустая мечта, а реальный шанс. Обнадеживал и важный шаг уходящей краевой

администрации в мае 2000 года: вице-губернатор Дубинин подписал официальное ходатайство в Госкомэкологию (официальный орган для обращений государства по поводу Всемирного Наследия ЮНЕСКО) о направлении в Комиссию по Наследию документов по приморской номинации в полном объеме, включая обе части бассейна Бикина в их существующем статусе.

— Увы, радужные экологические надежды конца века оказались иллюзорны. Практически вслед за принятием названных «аборигенских» законов и обращений, в 2000 году новый президент страны Путин упразднил самостоятельную Лесную службу и Госкомитет по охране природы. Важнейшая для Дальнего Востока государственная задача стала одной из многих функций нового Министерства природных ресурсов — МПР и системы его региональных Управлений. Фактически, новая власть открыто признавала вторичность задач по сохранению уникальных лесов, природных комплексов и биоразнообразия после задач по их эксплуатации — добычи и промысла. В этих условиях все наработанные и уже научно обоснованные модели защиты Бикина, будь то в форме национального парка или ТТП, включение его в номинацию Всемирного Наследия ЮНЕСКО, вместе с охраной редких видов и созданием других ООПТ в Приморье, становились проблематичны. Не больше шансов давал новый президент и аборигенам. Катавасия с названиями и ведомствами, ответственными за поддержку и защиту коренных народов, тянулась до 2004 года, пока не остановилась на Министерстве регионального развития, занимавшем все десять лет своего существования одно из последних мест в правительственной табели о рангах, и, естественно, в бюджетных раскладах. С этим и приходилось работать.

Экологическое сообщество, пытавшееся убедить Комитет по Всемирному Наследию принять две бикинские ООПТ — ТТП и заказник «Верхнебикинский» — в качестве важного кластера к объекту ЮНЕ-СКО «Центральный Сихотэ-Алинь», тоже было глубоко разочаровано. Пришедший к власти в Приморье новый губернатор Дарькин, человек открыто заинтересованный лишь в развитии лесопромышленного комплекса любой ценой, столь же решительно и неоднократно отказывался подписывать новое ходатайство в ЮНЕСКО по поводу Бикина. В этой ситуации краевая Ассоциация КМНС в 2002 году, используя новые законы, все-таки начала активную подготовку документов для придания

средней и верхней частям бассейна реки Бикин статуса ТТП федерального значения. В декабре на сходе жителей Красного Яра и соседнего села Олон было решено, согласно закону, подать в Правительство официальное заявление с приложенным к нему научным обоснованием такого статуса. Документы о создании ТТП «Бикин» были поданы в Правительство в июне 2003 года.

Но, почувствовав слабину в государственной природоохранной политике, мгновенно активизировались лесопромышленники, всегда мечтавшие «освоить» верхний Бикин в полном объеме и таким образом по-своему взять реванш за погубленную защитниками затею с СП «Светлая». Словно бросая вызов нарастающей гражданской и законодательной активности экологов и аборигенов Бикина, вышедшей на мировой уровень, один из двух ведущих холдингов, ОАО «Приморские лесопромышленники», развернул кампанию по получению в аренду основной части Верхнебикинского заказника. Настаивая на пересмотре границ заказника в сторону уменьшения, и разумно опираясь на отсутствие запрета промышленных рубок в Положении, лесопромышленники обосновывали свои требования все той же старой темой — усыхают ельники, провоцируются пожары, контроля на территории нет.

В конце 1999 года глава компании Виктор Дорошенко начал «обработку» природоохранных чиновников Пожарского района и края. Начал с малого — запросил лишь о прохождении через заказник лесохозяйственной дороги к своей аренде в соседнем Тернейском районе, то есть вокруг того же поселка Светлая. Обращение было грамотное — отчасти с учетом мягкости Положения о заказнике, отчасти с просьбой о «согласовании в виде исключения» для защиты и контроля отдаленной территории. Не менее грамотно компания провела и экологическую экспертизу проектных материалов по 25-километровому участку дороги через заказник заключение было желаемое для лесопромышленников: «согласовать в виде исключения», «в целом материалы соответствуют». Экологи, Ассоциация КМНС, администрация района, правоохранительные органы, опираясь на уже сформированный блок законов, сказали лесопромышленникам решительное «нет». Серия судов по искам об отмене экспертного заключения, обращений всех ко всем, поддержки одних позиций и отказов другим затянулась на три долгих года. Были протесты прокуроров на заключение экспертов, встречные протесты чиновников — война шла всерьез.

Этот этап борьбы за Бикин был не менее, а быть может и более драматичным, чем десять лет назад. Расклад сил между защитниками и промышленниками был иной. Экологические организации и коренные народы стали авторитетны, сильны, объединены в масштабе всей страны, находились все еще на подъеме, обладали серьезной законодательной опорой. Но и лесопромышленники уже крепко встали на новые капиталистические ноги, имели поддержку в любых органах власти и сдаваться не собирались. Пока шли нудные судебные тяжбы и чиновничья переписка по возможности про-

бить лесовозную дорогу, пока чиновники и прокуроры решали — чьи козыри старше, ЮНЕСКО с Гринписом и WWF или прочно занявших рынок лесопромышленников, последние сменили тему. В начале 2005 года глава компании Дорошенко писал министру МПР Трутневу, в Рослесхоз и губернатору Дарькину прямым текстом: «В самой обоснованности создания заказника было много надуманного и сугубо эмоционального под давлением «зеленой истерии»... Возможно, с позиции нетронутости природных ресурсов и следует иметь здесь заказник, но не на площади 746 тыс гектаров.... Считаем целесообразным поднять вопрос о внесении изменений в Положение в части ограничений на строительство дорожной инфраструктуры и передачи в аренду части заказника в 500 тыс га.»

Но еще с 2003 года в краевом ГУПРе, у губернатора и в Законодательном собрании лежали письма от Центра Всемирного наследия ЮНЕСКО и ведущих экологических организаций страны с просьбой учитывать выдающуюся мировую ценность верхнего Бикина при подготовке любых планов по управлению данной территорией. В мае в ГУПРе проходит рабочее совещание по вопросу возможности рубок в верховьях. По его итогам к июньскому заседанию президиума Госсовета подготовлен доклад "Об оздоровлении экологической обстановки в Российской Федерации" с пунктами о ситуации на Бикине, включая поданное обращение в Правительство о создании ТТП. Игнорировать эту волну общественного внимания в крае было трудно. Однако — парадоксы истории! — в тот же год Правительство официально отказывает Ассоциации — РАЙПОНу в создании федеральной ТТП. Спустя полгода такой же отказ получает краевая Ассоциация и на создание ТТП краевого значения. Для сообщества экологов и коренных народов подоплека таких отказов была предельно ясна: новая вертикаль власти в стране, при всех красивых словах и принятых законах-пустышках, на деле была готова поддерживать лишь то, что принесет деньги в бюджет и в карманы чиновников. Эпоха демократии и учета интересов граждан уходила в прошлое, идеи Великой Империи возвращались к жизни.

21 век: игра по новым правилам

Стоит признать: в период, когда срок реализации Экологической программы края до 2005 года был на исходе, а полноценная охрана ключевого для края бассейна Бикина по-прежнему оставалась под вопросом, борцы за территорию всерьез растерялись: как быть дальше, к кому апеллировать, на кого опираться? Забуксовало буквально все, Реализация недавно принятых законов об общинах КМНС и ТТП тонула в правительственных реформах, природоохранное, лесное и земельное законодательство погрязло в слабо увя-

занных поправках, открывая простор для чиновничьего произвола и издевательств. Зато лесопромышленники на севере края, в содружестве со своей неотторжимой тенью — бригадами самовольщиков и лесных контрабандистов, используя деньги и своих людей в новой власти, окончательно расправили плечи. Еще во время акции Гринпис в 2000 году в соседнем с Бикином Красноармейском районе мне довелось познакомиться с группой «криминальных бригадиров», которые, по сути, своей деятельностью объявили открытый протест коррумпированным местным лесникам и милиционерам, требовавшим непомерные взятки и откаты за право заготовки и сбыта древесины с нарушениями закона и правил. Мы публиковали эти сведения в своей телепрограмме и в журнале, передавали в надзорные органы, но система коррумпированной власти сложилась и окрепла уже тогда, и никто не мог ее остановить.

Японские «Друзья Земли» и Бикина— Кацунори Сасаки и Эйичиро Ногучи

То же происходило на нижнем и верхнем Бикине, хотя и в несколько разных форматах. Девственные леса вниз по течению от орехопромысловой зоны и ТТП активно сдавались в рубку официально. А на землях заказника, при впадении в Бикин его притоков Ады и Килоу, куда прежде добирались лишь самые отважные удэгейские охотники, вокруг их традиционных зимовий возникла настоящая браконьерская и охотничье-туристическая база с избушками, 18-километровой дорогой, мостами, аэродромом и складами для хранения добытого мяса и рыбы.

Поскольку во время уникального рейда природоохранной общественности района летом 2003 года здесь находились и коренные охотники, веками опромышляющие свои угодья, и представители районного охотнадзора, и уполномоченный представитель арендатора — Национального охотничьего хозяйства (НОХ) «Бикин», пришедшего на смену бывшему госпромхозу, провести четкую грань между тем, что там законно, а что нет, так и не удалось. Но объект общественного внимания и тревоги был обозначен и не случаен. После тотального раз-

рушения системы лесной инспекции и природоохраны в 2000 году контроль в таких отдаленных уголках тайги был невозможен в принципе. А возможности и наглость нового класса богачей, вооруженных деньгами, вертолетами, карабинами, любыми удостоверениями и жаждой охотничьего трофея стали безграничны.

Родион СУЛЯНДЗИГА, директор Центра содействия КМНС: "Главное — земельное право, то есть кто управляет территорией. Возникает вопрос: почему есть воля создать нацпарки в защиту тигра, но нет воли создать ТТП, как велит закон? Речь ведь идет о судьбоносном решении для людей, которых осталось лишь немного больше, чем тигров. Мы считаем, что народ первичен, тем более, что и тигр для этого народа — священное животное. Если изначально нашими оппонентами был лесой бизнес, против него мы выступали вместе с экологами. Сегодня мы оппонируем государству, которое должно давать гарантии народу."

Ключевое слово в соуправлении территорией — это партнерство. При всем сходстве наших стран, в Канаде есть мощное Министерство по коренным народам, по их культурному наследию. Аборигенная стратегия Канады — признание коренных народов, как и в России, но Канада признает конституционно притязания и права КМНС на землю. Это обеспечивает контроль и оптимизацию использования всех ресурсов. Итог — устойчивое использование ресурсов, чего хотят все. Важный аспект — юридические обязательства и ответственность за их исполнение. Создается управляющий комитет на территории, который занимается всеми вопросами нацпарка.

Он включает равное количество жителей и власти. А у нас все статьи о гарантиях для КМНС из законодательства вымываются.

В эти годы борьба за Бикин окончательно вышла на международный уровень, новые возможности обрели и защитники девственной тайги. Павел Суляндзига стал с 2000 года председателем Правления Секретариата коренных народов Арктического Совета, а с 2003 года — заместителем руководителя рабочей группы этого авторитетного межправительственного органа по устойчивому развитию. Активно развивалась технология космического мониторинга лесопользования в рамках проекта «Лесная вахта России» с участием Гринпис и дальневосточной координацией команды 00 БРОК. На финишную прямую вышел тяжелый многолетний процесс по созданию национального парка «Удэгейская Легенда» к югу от Бикина, в бассейне Имана, сыгравший огромную роль в дальнейших событиях и на Бикине. Противостояние разобщенного и слабого сообщества удэгейцев на этой, давно освоенной лесопромышленниками территории, с лесными ворами, чиновниками, милицией и компаниями было в те годы предельно острым, доходило до вооруженных стычек в тайге и даже убийств. Недаром создание национального парка стало событием для всего края и для всех удэгейских семей, живущих в соседних районах и даже краях.

Ю.Дарман, директор WWF-Амур, на слушаниях по нацпарку, 2016 г.

Важнейшим событием для природоохранного сообщества и для защитников Бикина стал приход в 2001 году на должность руководителя Амурского филиала WWF во Владивостоке Юрия Дармана, основателя Амурского филиала Социально-экологического союза в Благовещенске. Со времени запуска проекта «Горячих точек Дальнего Востока» в 1997 году, и в ходе реализации других проектов — американского ЕРТ и Лесной вахты он проявил себя как безусловный региональный лидер природоохранного движения, высокий профессионал и неутомимый организатор. С его приходом Амурский филиал WWF быстро стал ведущей, а вскоре единственной организацией в регионе, способной создавать новые охраняемые территории и поддерживать существующие, несмотря на очевидные государственные тенденции по снижению их охранного статуса и уменьшению площадей в пользу разных бизнес-проектов. Умело формируя сильную команду экологов-профессионалов в разных сферах природоохранной работы, Дарман постепенно привлек в WWF самых ярких активистов из «Зова тайги» и ИСАРа, предоставив им более широкие возможности для работы в регионе, чем те, что у этих организаций были раньше.

Здесь важно отметить и еще одну очень важную веху истории, существенно изменившую облик и формы гражданской природоохранной деятельности. Одновременно с разгоном федеральной Лесной службы и Госкомэкологии в России в 2000-2001 годах, радикальные перемены произошли и в США — стране, где государственная и частная благотворительная поддержка российского экологического движения в течение 10 лет оставалась в числе важных приоритетов внешней природоохранной политики. К власти пришла администрация Джорджа Буша, начавшая постепенно, но неуклонно сворачивать масштабы грантовой поддержки российских общественных организаций и охраняемых территорий, многие из которых были почти полностью обязаны своим воз-

никновением и становлением именно американским фондам, и в небольшой степени — японским. Тогда же, на рубеже веков, по инициативе Тихоокеанского центра природных ресурсов из Сан Франциско и его многолетнего лидера Дэвида Гордона на встрече в пригороде Хабаровска — Сосновке была сформирована одноименная коалиция лидеров экологических НКО и коренных народов Дальнего Востока. Спустя несколько лет, ежегодно встречаясь, Сосновка естественным образом приросла Сибирью и ведущими организациями России — Гринпис и WWF, и остается самым эффективным гражданским эко-сообществом страны до сих пор.

WWF, биоразнообразие и община

Все эти перемены неизбежно отражались и на процессах, происходящих вокруг задачи по сохранению Бикина, как в самой тайге, так и в кабинетах чиновников, в умах законодателей и активистов. Легкодоступные американские гранты иссякали вместе с поддержкой через дальневосточный ИСАР. Варианты «продавить» для Бикина хоть федеральную ТТП, хоть национальный парк, а тем более статус Всемирного Наследия, которым до тех пор занимался Гринпис России, становились все более иллюзорными. Нужно было искать новые пути, новые региональные акценты, способные при охлаждении американцев к Дальнему Востоку все же сохранить природоохранную стратегию в регионе, придать ей новый импульс. Такую стратегию удалось создать и вывести на уровень всех региональных правительств Всемирному Фонду природы — WWF, создавшему две сильных структуры во Владивостоке и Москве. На смену уходящей в историю Экологической программе Приморья Юрий Дарман инициировал новый, более масштабный процесс — Стратегию сохранения биоразнообразия Сихотэ-Алиня, в которой Бикин оставался центром притяжения и внимания как одна из ключевых территорий обитания амурского тигра.

Сохранение тигра с его местообитаниями и вообще биоразнообразия с начала 2000-х годов и со становлением Амурского WWF стало главной темой для экологического сообщества, прежде всего Приморского и Хабаровского краев. Формы работы по этой теме существенно обогатились. С учетом свертывания потока грантов от США, Дарман сильно расширил диапазон источников за счет европейских и других фондов. Сыграло роль и то, что, в отличие от Гринпис и других радикальных организаций, принимающих только частные пожертвования, WWF привлекает и средства коммерческих компаний, естественно на определенных жестких условиях. К тому же, одной из ключевых задач в работе WWF всегда было установление прямого контакта и диалога с любыми властями, от которых зависит охрана природы и рациональное природопользование.

Пресс-конференция в защиту Бикина» во Владивостоке, 2004 год. В центре — Эйичиро Ногучи и Миша Джонс. Справа — Павел Суляндзига.

Пока коллеги в Москве выстраивали деловые отношения с Правительством, Думой и Администрацией президента, Юрий Дарман сумел заинтересовать губернаторов двух краев своей «Стратегией сохранения биоразнообразия Сихотэ-Алиня». Совместное Постановление губернаторов о ее утверждении в качестве нормативного документа было подписано в 2000 году.

Документ стал лишь первым шагом и открыл серию действий, предпринятых крупнейшей международной организацией на всех уровнях — в регионе, в Правительстве России, в странах-соседях и в структурах ООН. Помимо создания серии национальных парков, заповедников и заказников для сохранения тигра в его ареале, WWF развернул невиданную прежде глобальную пропагандистскую и просветительскую кампанию в защиту редких видов Дальнего Востока и особенно Амурского бассейна. Опираясь на ранее предложенную Всемирным Фондом схему деления планеты на 200 экорегионов, Дарман с коллегами разработал специальную природоохранную международную программу для «своего», Амурского экорегиона (Russian Far East Regional Ecoregion Conservation Action Plan), утвержденную в 2003 году. А для ее реализации под эгидой правительственной Ассоциации «Дальний Восток и Забайкалье» организовал Координационный Совет губернаторов всех территорий Приамурья по проблемам экологии и природопользования. Чтобы эта структура не осталась пустышкой, как чаще всего и бывает, общественные активисты-экологи при содействии WWF и местных природоохранных департаментов разработали для каждого субъекта свой план создания и развития системы ООПТ.

На фоне этой небывалой активности в защиту тигра и его тайги на Сихотэ-Алине не прекращались усилия Гринпис и вновь созданного Фонда природного наследия по продвижению в ЮНЕСКО номинации Всемирного Наследия «Центральный Сихотэ-Алинь». К сожалению, чем ближе была процедура утверждения номинации, тем

яснее становилось, что Бикин с его двумя слабыми статусами охраны на высокий титул не тянет, и будет, скорее всего, отложен — в надежде на последующую доработку.

Всем участникам процесса стало ясно: в рамках этого правительства, озабоченного лишь доходами от нефти, газа и леса, никто не станет реально защищать интересы людей, живущих в местах добычи нефти, газа и леса. Сообщество экологов и коренных народов, сложившееся в трудные годы разрухи и противостояния безрассудным планам лесозаготовок на Бикине, усилиями властей и бизнеса оказалось как бы расколото. Каждая из групп теперь имела свои, вполне глобальные возможности для борьбы, и пыталась их реализовать. Экологи вразнобой плодили обоснования Национального парка, аборигены бились с Минрегионом за свою ТТП. Комитет ЮНЕСКО в 2001 году утвердил номинацию «Центральный Сихотэ-Алинь» в составе единственного заповедника с крохотным заказником. Бикин был как бы поставлен Комитетом в «лист ожидания» — пока не будет повышен охранный статус и не создан единый с заповедником план **управления всей номинацией.**

Единственные, наверное, кто в пестром сообществе защитников в эти годы не опускал рук, были руководитель Амурского WWF Юрий Дарман и влиятельный международный политик Павел Суляндзига. Они продолжали вести диалог со всеми, кто при власти, в стране

и за ее пределами, от кого зависит судьба Бикина и всей дальневосточной тайги. Даже с теми, кому в других обстоятельствах и руки бы не стоило подавать. Оба следовали вечному и мудрому принципу: политика — это искусство возможного. И любые возможности умело использовали для природоохранных целей региона и Бикина. Таких возможностей оказалось немало. Прежде всего, они заключили в 2004 году соглашение о сотрудничестве между Амурским WWF и краевой Ассоциацией, которую Павел продолжал возглавлять, даже став в 2005 году членом Постоянного Форума ООН по коренным народам и Общественной палаты России. Кроме того, учитывая изменившееся законодательство, удэгейские лидеры решили сменить юридический статус своего главного предприятия — HOX «Бикин» и создали на его основе общину коренных народов «Тигр».

В рамках подписанного Соглашения удэгейцев с экологами в середине «нулевых» годов проводилось много конференций и Круглых столов, посвященных новым формам борьбы за Бикин. На них обычно приглашались часто меняющиеся чиновники краевой администрации, принимались резолюции и обращения в Правительство с требованием образовать федеральную ТТП, каких в России так нигде и не появилось. Эти встречи продолжали укреплять и расширять авторитетное и высоко профессиональное сообщество защитников Бикина, куда входили ученые, активисты, чиновники, представители общин и муниципальных администраций. В 2005 году московский правовой центр «Родник» по просьбе этого сообщества и РАЙПОНа подал иск в суд с целью отмены решения Правительства об отказе в создании Бикинской ТТП. Дело было ожидаемо проиграно, однако получило в кругах правозащитников и экологов широкую огласку.

Одним из важных направлений совместной работы экологов и удэгейцев по защите прав аборигенов на свою живую природу и самой этой природы стала подготовка передачи в аренду средней части бассейна Бикина — орехопромысловой зоны — общине «Тигр» для традиционного использования недревесных ресурсов. Традиционные охотхозяйственные соглашения давали удэгейцам слишком ограниченные права только на охоту на своих участках, которые ни общину, ни самих охотников не устраивали. Задача стояла взять в аренду не охотничьи угодья, а именно лесной фонд, получив таким образом для общины право распоряжаться всеми ресурсами территории без статуса ТТП. Это было непросто: подобной практики в стране было мало, и главное — община не имела возможности платить положенную по закону арендную плату просто в силу своей бедности. Кроме того, даже при наличии договоренности, достигнутой WWF с лесным Департаментом, территория подлежала выставлению на открытый аукцион, при котором сохранялся большой риск «ухода» ее в чужие руки. Избежать этого можно было лишь одним способом — найти финансово состоятельного гаранта, для которого живая тайга Бикина дороже денег, которые из нее можно извлечь.

Такого гаранта коллеги дальневосточников в WWF Германии нашли в правительстве этой страны. В эти

годы в Европе активно развивался так называемый рынок углеродных квот, на котором страны или региональные структуры, имеющие в аренде массивы девственных лесов, могли продать рассчитанные учеными объемы связанного в этих лесах углерода в рамках международных климатических соглашений. Покупали эти квоты страны, чей баланс СО2 был отрицательным, то есть их индустрия выбрасывала углерода в атмосферу больше, чем его могли поглотить собственные леса и специальные технологии. Подготовка всех соглашений между общиной «Тигр», WWF и правительством Германии, расчет объема поглощаемого на Бикине углерода заняли почти два года. WWF, выступивший гарантом общины на аукционе, провел нужные платежи, и с 2009 года община «Тигр» стала полноценным арендатором всей территории, включая верховья. Это был первый и до сих пор единственный в России полноценный углеродный проект, нацеленный на сохранение девственных лесов путем их передачи в пользование аборигенам. Конечно, «углеродных» денег от Германии директору общины Владимиру Ширко пришлось ждать довольно долго, но они все-таки пришли и были успешно использованы для развития туристической инфраструктуры Красного Яра.

«Тернейлес» и ассоциация: поиск баланса

Примечательным этапом Бикинской эпопеи стало движение навстречу в 2003-2004 годах краевой Ассоциации коренных народов и ставшего в крае крупнейшим лесопромышленного холдинга «Тернейлес» — фактического хозяина тайги всего северного Приморья. Имея полную поддержку в тогдашней краевой администрации, и понимая, что он легко может получить в легальные промышленные рубки и верхний Бикин, и соседнюю удэгейскую Самаргу, владелец холдинга Щербаков первым на Дальнем Востоке начал процесс добровольной экологический сертификации своих заготовительных операций по стандартам FSC — международного Лесного Попечительского Совета. А в этих стандартах ключевую роль играл учет мнений и интересов коренного населения территорий, где компания планирует работать. Стало быть, Щербакову предстояло с удэгейской Ассоциацией как-то договариваться, чтобы сделать свои планы развития лесозаготовок на севере предельно цивилизованными, в отличие от провального проекта СП «Светлая».

Тем временем Павел Суляндзига, обогатившись в международных структурах бесценным опытом поведения общин КМНС в отношениях с ресурсными компаниями, и понимая угрозы родным удэгейским сообществам, начал выстраивать свою стратегию отношений краевой Ассоциации с «Тернейлесом». По сути, это был очередной жесткий, но вполне дипломатический этап

борьбы не только за Бикин, но и за Самаргу, о котором уже мало кто помнит. К этому времени глубоко заинтересованная в развитии и поддержке удэгейских общин организация «Друзья Земли — Япония», используя выход бассейна Самарги к Японскому морю, попыталась реализовать неудавшуюся в начале 1990-х на Бикине попытку прямого выхода продукции традиционных промыслов на японский кооперативный рынок в качестве экономической альтернативы лесозаготовкам. К сожалению, несмотря на все усилия приморских и хабаровских экологов, этот рыночный «мостик» вновь так и не смог заработать — слишком несравним был уровень развития коммуникаций, слишком далека Самарга с ее полным бездорожьем от цивилизации.

Еще в начале «нулевых» всем, включая руководство Ассоциации, было очевидно, что реальную поддержку столь оторванной от прочего мира общине «Агзу» может на самом деле обеспечить лишь сильная местная корпорация, по-своему заинтересованная в использовании лесных ресурсов территории, но также и в цивилизованном диалоге с коренной общиной. Выбора здесь не было — такой компанией мог быть только «Тернейлес», готовый добровольно взять на себя повышенные социально-экологические обязательства в рамках процесса сертификации по FSC. По сути, эта компания содержала всю транспортную инфраструктуру Тернейского района, вытянутого вдоль дикого морского побережья на 500 километров. И теперь, когда ей нужны были новые массивы лесов для покрытия новых потребностей рынка, выбор пал на эксплуатационные леса бассейна Самарги. Лесные власти края и компания просто «нашли» здесь друг друга, ибо иных претендентов создавать заготовительно-транспортную инфраструктуру в такой глуши просто не было. Потому, видимо, и суд, куда пожаловалась было община «Агзу» в связи с нарушением процедуры

конкурса в 2001 году, легко оправдал Лесное хозяйство, хотя нарушение было налицо: в конкурсе участвовали три компании — представители одного холдинга «Тернейлес». Компания с этого года стала арендатором всего бассейна Самарги

Но, после этого полезного отступления, вернемся к Соглашению между Ассоциацией и «Тернейлесом». Хотя в те годы некоторым радикальным экологам и самим общинам это могло казаться своего рода сдачей позиций со стороны коренных народов, сегодня для Дальнего Востока и тем более для Приморья этот шаг можно считать безусловно историческим. Павел Суляндзига сумел привнести выстраданную аборигенами мировую практику на свою малую родину, и тем самым заставил ведущую лесозаготовительную компанию края слушать и поддерживать коренные народы не эпизодически, а постоянно. Одним этим документом 2004 года пресекались любые последующие попытки фактически — бизнес-хозяев приморского севера войти с рубками на все еще не защищенный верхний Бикин, создавалась основа для устойчивой поддержки удэгейской общины Самарги силами компании-арендатора, соглашение о которой до сих пор действует. И, что особенно важно для стратегии отношений между природоохранным и лесозаготовительным сообществами, формировалась также, хотя и не явно, основа последующих соглашений между экологами и уже FSC-сертифицированным «Тернейлесом» о выделении на Самарге особо ценных участков тайги, подлежащих исключению из планов освоения лесов и приданию охранного статуса. Серия экологических экспедиций на территорию при поддержке компании позволила выявить эти участки и создать систему их спутникового мониторинга. Впрочем — это уже другая, самаргинская история.

В дебрях Бикинской тайги.

«Тигр», тигр и президент

Экологическое сообщество тем временем не упускало и других возможностей для привлечения внимания властей к защите Бикина. Руководители WWF в середине нулевых годов отметили две тенденции, критически важные для реализации их природоохранной политики на Сихотэ-Алине. Первая — президент страны неравнодушен к редким животным, прежде всего к диким кошкам. Причем не как советский генсек Брежнев — пострелять, а как бы «подружить». Вторая — возможность и умение решать оперативные хозяйственные и управленческие задачи в стране и ее регионах, в том числе задачи природоохранные, все отчетливее уходят от неграмотного и коррумпированного Правительства к Администрации президента. Увидеть эти два явления в их единстве стоило многого: это значило фактически увидеть начало прямого пути к созданию национального парка под лозунгом сохранения местообитаний тигра. Несмотря на то, что формально громоздкую процедуру согласований в самом МПР и в других ведомствах отменить никому не дано.

Путь к этой цели, как известно, оказался стольже долог и тернист, как и путь других национальных парков в регионе от задумки до Постановления правительства. Например «Удэгейская Легенда» на соседнем с Бикином Имане создавалась 15 лет. Но там шла по сути безнадежная борьба с коррумпированной местной властью и криминальным лесным бизнесом без всякой поддержки на федеральном уровне. В данном случае вариант с Администрацией прези-

дента выглядел гораздо более реальным. Оставалось лишь грамотно использовать ситуацию — распропагандировать общение президента с тигром в ходе одной из операций по контролю популяции в Приморье и изложить нужным чиновникам Администрации проблему и задачу.

Задача на самом деле тоже стояла непростая. С учетом интересов удэгейцев, которые экологи полностью поддерживали, на территории национального парка необходимо было гарантировать хозяйственную деятельность местных охотников, которая в принципе запрещена Законом об охраняемых территориях. То есть, речь шла о радикальном изменении этой позиции Закона, что широкое экологическое сообщество поддерживать не спешило. Всем ведь известно, как может измениться любая позиция законопроекта при его прохождении через Госдуму — порой поправки обретают совершенно обратный смысл. В общем, назревал очередной взрывоопасный очаг конфликта между экологами и коренными, грозивший погубить едва наметившуюся надежду на желанный федеральный статус.

Погасить этот очаг можно было единственным способом — тяжелой, длительной разъяснительной работой с местным населением. И конечно широкой и затяжной кампанией в СМИ, в том числе на федеральном уровне, поскольку любой разговор об изменении закона об ООПТ и любая такая попытка справедливо вызывали бурю экологических протестов по всей стране. Особенно если речь заходила об ослаблении статуса и разрешении хозяйственной деятельности на федеральных ООПТ. А на Бикине речь шла именно об этом. Слово «традицион-

ная» при этом наиболее радикальных оппонентов не останавливало: нельзя — и точка. Все понимали, что в нынешней России стоит приоткрыть эту законодательную дверцу, как в нее хлынут толпы членов «аборигенских» общин с вполне европейской внешностью, живущие часто вполне цивилизованно в городах и поселках. Или охочие до кедрового ореха и бикинских лососевых китайцы, мало отличимые от удэгейцев или нанайцев.

С появлением идеи нацпарка возникала и другая, не менее, а может и более важная точка конфликта между местной общиной «Тигр», владеющей средней частью бассейна на правах долгосрочной аренды, да еще получившей хорошую зарубежную поддержку в виде «климатических» денег из Германии. Парадокс состоял в том, что во вполне мирном соревновании двух моделей охраны Бикина, удэгейской общины и тигриного нацпарка, община, по сути, оказалась впереди, получив желаемое при активной поддержке тех же тигрятниковэкологов. И теперь большинство членов общины, ощутив свою власть и права на части территории, уже с растущей тревогой смотрели на ее грядущих новых федеральных хозяев, которых будет назначать Москва, а не выбирать Красный Яр. Вопросы множились, и далеко не всегда и не сразу получали внятные ответы. Первый из них что останется общине, когда все ее арендованные угодья отойдут парку, а его неведомого директора назначит, и при желании легко заменит Министерство?

В.Ширко, глава общины «Тигр» на слушаниях по нацпарку.

Вопрос был совсем не праздный. Пока в кабинетах и кулуарах шла борьба за создание нацпарка, община давала удэгейцам работу, дрова, развивала и поддерживала инфраструктуру села, защищала законные интересы и права аборигенов в органах власти. Лидер общины Владимир Ширко, наряду с главой администрации села, был самым авторитетным человеком, обладающим властью и деньгами. С 2008 года, с уходом Павла Суляндзиги в международные организации, Ширко стал и президентом краевой Ассоциации КМНС. Но выбора не было: указание президента о создании парка надлежало выполнять.

Государство и аборигены

На фоне укрепления позиций общины «Тигр» как вполне официального арендатора угодий среднего Бикина и оператора уникального климатического проекта с финансовой поддержкой Германии, энергия удэгейского сообщества, направленная на попытки создания полноценной ТТП, как-то поутихла. Многократные отказы Правительства, проигранные по искам на эту тему суды и в целом благополучная, устойчивая деятельность общины, все более стабильные доходы от туристов — эти факторы успокаивали многих. В главном «аборигенском» ведомстве страны — Минрегионе в течение всех 10 лет его существования, с 2004 до 2014 года, желания разработать необходимые инструменты для создания полноправных ТТП не наблюдалось никогда. Как уже говорилось, статус этого ведомства в Правительстве был крайне низок, в основном потому, что защищаемые им интересы регионов были серьезной помехой к накачиванию ресурсных мускулов чиновничье-капиталистической экономики и федерального бюджета.

Становилось все более очевидно, что этот государственный институт — последнее напоминание о федеративных договорах регионов с Правительством начала 1990-х, гарантировавших малоосвоенным территориям Дальнего Востока некоторые права в распоряжении своими ресурсами — долго не продержится и дни его сочтены. И как бы в подтверждение таких ожиданий, в конце 2013 года законодатели нанесли последний, сокрушительный удар по самой идее ТТП как охраняемой природной территории. Из этого ключевого и уже привычного всем термина в Законе о ТТП было изъято слово «природная». Это автоматически обосновывало исключение ТТП из чисто природоохранного Закона об ООПТ и из Земельного кодекса, который регламентирует базовые принципы поведения на землях, отнесенных к категории «охраняемых природных территорий». При этом законодатели даже не потрудились предложить аборигенам как «традиционным природопользователям» ничего взамен отнятого статуса ООПТ, окончательно превратив никем не отмененный Закон о ТТП в пустую бумажку.

И доныне юристы, озабоченные правами коренных народов, бьются лбами в это правовое ничто — ТТП, пытаясь понять — с кем, как, и на какой основе следует хотя бы разговаривать, кому писать и у кого спрашивать разрешения на реализацию Закона России. Хотя всем понятна печальная подоплека совершенной в конце 2013 года законодательной вивисекции: коренным предлагали забыть даже думать о каких-то правах на свои извечные территории, из которых государство желает без помех и согласований черпать ресурсы и деньги. Передачу государственных полномочий по управлению делами аборигенов из ликвидированного Минрегиона в Министерство культуры многие аналитики и лидеры сообщества расценили как издевательство. Естественно, не от неуважения к традиционной культуре своих наро-

Тайга в зимней спячке.

дов, а из-за глубокого непонимания властями неразрывной связи традиционной культуры аборигенов с практикой природопользования, с природой в целом как естественной средой их обитания.

Отныне аборигенам предлагалось использовать обычный механизм аренды, на которую ни у каких общин никогда не наберется средств. Бикинская климатическая лесная аренда, выстроенная усилиями WWF, в данном случае — единственное счастливое исключение.

На фоне такого правового краха идеи ТТП серьезным импульсом к защите Бикина через другие инструменты стало принятие нормативного документа Правительства — государственной программы «Стратегия сохранения амурского тигра», утвержденной распоряжением МПР в июле 2010 года. В ней защита местообитаний тигра на Бикине была вынесена в число ключевых задач, наряду с созданием Автономной некоммерческой организации «Центр «Амурский тигр» в 2013 году с филиалом в Приморье. Причем ее развитием в Администрации президента занималась та же группа людей, которая отвечала и за создание нацпарка «Бикин». Эти задачи по сути сошлись — начались затяжные дискуссии, круглые столы, московские делегации и конференции в Приморье. В отличие от традиционной модели создания национальных парков силами и по инициативе МПР, этот парк полностью продвигала в жизнь Администрация президента. Во Владивосток и на Бикин зачастили высокие чиновники этого, по оценкам некоторых экспертов, «настоящего правительства». Стратегия поведения была найдена: да, Администрация президента не допустит утверждения парка Правительством ДО внесения в закон об ООПТ тех изменений и дополнений, которые будут

согласованы с общиной и всем населением Красного Яра. Об этом на всех встречах с населением Бикинских сел прямо и твердо говорили все, от губернатора до руководства Управлений Администрации президента.

Содержание этих изменений было детально сформулировано и утверждено рабочей группой при губернаторе края с участием экологов, ученых, юристов, законодателей, этнологов, представителей удэгейского сообщества и опубликовано во множестве СМИ и на сайтах. Документ предусматривал не просто законодательную гарантию права аборигенов на ведение традиционных промыслов на территории парка, естественно с гарантией контроля, экологической устойчивости и стабильности опромышляемых популяций, но и право коммерческого использования получаемой продукции. Кроме того, должно было быть узаконено и регламентировано создание Национального Совета при дирекции парка из числа наиболее авторитетных представителей общины, с правом участия в принятии наиболее ответственных хозяйственных решений. После создания нацпарка, традиционную охоту на его территории охотникам предлагалось осуществлять самостоятельно и бесплатно, в рамках Положения о нацпарке. Дирекции надлежало отвечать только за проведение учетных работ, определение лимитов добычи, оформление документов.

Таким образом, охотники должны были оказаться в более выгодном положении, чем когда они заключали договоры с общиной «Тигр» и были обязаны сдавать продукцию этому арендатору по его ценам, обычно ниже рыночных. Обещалось охотникам и избавление от системы квот, создающих предпосылки для перелова животных с целью свободной продажи. Устранялся и риск

лишения промыслового участка в связи с невыполнением плана. Единственным критерием устойчивого промысла становились данные послепромысловых учетов, отражающие динамику состояния популяций охотничьих животных, в зависимости от которого и будут выдаваться квоты на добычу. Под традиционную охоту в национальном парке отводилось 791 тыс. га, или 58 процентов территории, где выделялись 65 охотничьих участков — случай беспрецедентный для России. Важным фактором для удэгейцев Бикина, имеющих родственников на Имане, да и для всех природоохранных структур, было то, что такое изменение закона позволило бы решить и застарелые уже проблемы нацпарка «Удэгейская Легенда».

Уроки «Удэгейской Легенды»

Многих противников Бикинского нацпарка настораживал и даже пугал печальный опыт учрежденного в 2007 году на соседнем Имане парка «Удэгейская Легенда». Историю борьбы его создателей с лесопромышленниками экономически освоенного Красноармейского района стоит описать хотя бы кратко, ибо в ней ярко отражены все сложности создания ООПТ на пересечении интересов коренных народов, браконьеров и лесопромышленников. И самые изысканные и подлые приемы борьбы с экологами, на которые готовы идти любители делать деньги на уничтожении девственной тайги. Еще задолго до того, как в рамках американского ЕРТ-проекта нашлись средства для подготовки обоснования парка силами группы ученых Тихоокеанского института географии, в 1995 году Рощинский комплексный леспромхоз (КЛПХ) получил в долгосрочную аренду самую ценную часть девственных кедрачей в бассейне Арму, зарезервированную под создание нацпарка в рамках системы ООПТ Приморья в 1991 году. Возмущенные письма экологов против этой аренды власти отбивали просто и традиционно — «резервирование лесфонда под ООПТ декларировано, однако механизм не создан и не утвержден». То, что авторы таких отписок тем самым и поныне открыто признаются в неисполнении своих обязанностей — создавать и утверждать эти механизмы — в действующей системе управления давно считается нормой и наказанию не подлежит.

Когда документы обоснования парка были готовы и проходили стадию согласований на местном, краевом и федеральном уровне в начале нулевых годов, открытую войну парку объявила компания «Рощинский КЛПХ», уже как полноценный арендатор подлежащих изъятию в интересах парка лесных участков. У этого крупнейшего предприятия района парк, по сути, «отнимал» самые привлекательные кедровники на 30 тысячах гектаров, одновременно служившие официальными охотугодьями местной общины «Удэге». Понимая это, руководство компании стянуло на «уходящую натуру» все свои мощности и больше десяти лет в этих угодьях разрешенный тогда кедр валили с 2-3 кратным превышением разрешенных объемов. Жалобы директора-организатора пока не утвержденного нацпарка в администрации и надзорные органы оставались без ответа или удостаивались отписок.

П. СУЛЯНДЗИГА, ОП РФ.: «Нам важно совершить такие действия, которые бы не стали необратимы. Надо искать компромисс. В то же время опасения людей весьма обоснованы. Удэгейцы стоят перед очень сложным выбором. Нацпарк может дать очень сильный толчок к развитию территории, можно будет более системно заниматься охраной природы, получать бюджетное финансирование, рабочие места и развитие инфраструктуры. В то же время опасения понятны, что парк несет угрозу. По закону его руководство совершенно неподконтрольно жителям территории. Значит через 20-30 лет местные жители будут оттуда вытеснены приезжими. Чтобы этого не случилось, нужно создать своеобразную систему управления вместе с аборигенами.»

Как только решение Правительства о создании парка в 2007 году было принято и началось формирование структуры и земельных документов госбюджетного учреждения, Рощинским КЛПХ, входящим в холдинг «Тернейлес», был запущен невиданный по цинизму и печальным последствиям судебный процесс против парка. Интрига состояла в том, что на тех же участках, что арендовал КЛПХ, была оформлена официальная аренда охотугодий для общины «Удэге», которая никак не противоречила запланированному режиму зоны традиционного природопользования будущего парка. Но содружество удэгейцев с защитниками природы на самых ценных делянах никак не устраивало лесопромышленников. Воспользовавшись давней зависимостью лидера общины «Удэге», ветерана войны, от лесопромышленной компании, где он прежде работал, а в последние годы получал стабильную материальную поддержку, КЛПХ решил отсудить у парка якобы «отнятые» у общины 30 тысяч гектаров угодий. При этом Высший Арбитражный Суд (ВАС), где слушалось дело, игнорировал тот факт, что в схеме зонирования парка и в его лесохозяйственном регламенте угодья для традиционного природопользования удэгейцев предусмотрены именно на этих участках. Расчет лесопромышленников был прост: при возврате угодий общине, полагали они, вернуть себе право рубок в лакомых кедрачах будет делом техники на уровне края.

Для ВАС это был уникальный случай, когда гос. учреждение, наделенное всеми правами и законами, проиграло какой-то общине, которая, тем более, требовала отнять у парка то, что она в рамках парка уже имела — право традиционной охоты. Оставалось лишь заключить с парком прямой договор и привести свою традиционную деятельность в соответствие с законом, правилами и нормативами, действующими на вновь созданной ООПТ. Тем не менее, нацпарк в суде проиграл, и лучшая треть его таежных угодий как будто

«вернулась» общине. Однако — именно «как будто». Никто точно не знает, какими способами влиятельный, тогда уже FSC-сертифицированный «Тернейлес» сумел склонить суд на свою сторону. Очевидно лишь, что эти способы вряд ли были праведными и эффективными, поскольку само решение оказалось половинчатым и во многом безграмотным. В нем не содержалось главного — решения о возврате спорного участка из земель ООПТ обратно в земли гослесфонда. Видимо, в суде понимали, что «отмотать» назад всю процедуру изменения категории земель через новое постановление Правительства, как требует закон, никакой общине все равно не под силу.

Итог этой глупой тяжбы был печален для всех. 30 тысяч гектаров тайги остались в категории земель ООПТ, где ни охотиться, ни тем более рубить лес не дано никому, кроме, естественно, браконьеров и самовольщиков-лесорубов. При этом парк формально утратил право контроля и охраны этой территории, равно как и право заключать с общиной ранее предусмотренный договор о традиционной охоте в этой бывшей зоне своей территории.

Последняя атака лесопромышленников

Вскоре после нашумевшего конфликта между Рощинским КЛПХ и проигравшей суды «Удэгейской Легендой» внимание природоохранной общественности Приморья вновь переключилось на Бикин. В течение 2000-х годов на руинах советского гиганта деревообработки — Дальнереченского ЛДК — выросло новое крупное производство компании «Лес Экспорт», требующее все большего объема древесины из окружающей тайги. Поскольку основные эксплуатационные массивы ближайших северных районовоказались давно поделены, компания воспользовалась открытой Правительством лазейкой для рубок в защитных лесах — приоритетным инвестпроектом. Под такие проекты, утвержденные в Минпромторге, разрешалось получить защитные леса в рубку за полцены и без конкурса, если ты сумел пройти отбор в Москве.

Под этой маркой «Лес Экспорт» в 2010-2012 годах получил в аренду целых три участка в низовьях Бикина, причем один в небольшой орехопромысловой зоне. Кроме того, все участки располагались в лесах, частично уже отданных в аренду, частично зарезервированных под создание Среднеуссурийского заказника — важного тигриного коридора между средней частью бассейна Бикина и охраняемыми лесами Китая. Такое вероломство вызвало новую бурю протестов в крае и особенно в Пожарском районе. Начались митинги, прокурорские протесты, судебные разбирательства. Поскольку арбитражный суд неизменно занимал сторону лесопромышленников, защитникам ценных бикинских лесов вновь пришлось бить челом в Правительство и искать поддержки Президента, не раз жестко заявлявшего о необходимости защиты местообитаний амурского тигра.

Компания, однако, не сдавалась, заявляя, что "оборудование под новые заводы уже закуплено, идут монтажные работы, что запуск производств позволит увеличить число занятых до 600 человек». В июне 2011 года произошло дотоле невиданное событие: работники "Лес Экспорта" устроили пикет у здания Амурского филиала WWF во Владивостоке, на котором заявляли, что экологов используют возможные конкуренты на рынке. Примечательно, что эта компания входила в списки экологически ответственных лесопользователей, которых курирует WWF, готовилась к добровольной сертификации по системе FSC и даже прошла ранее предварительный аудит на соответствие ее стандартам. А в них целый раздел посвящен защите прав и интересов коренных народов, зависимых от леса. Попытка же войти с рубками «ухода» в орехопромысловую зону, уже арендованную общиной «Тигр» для традиционного недревесного пользования — это был открытый вызов не только природоохранному и аборигенному сообществу, но и российским законам, и Президенту.

«Зеленый свет» рубкам дало Управление лесным хозяйством Приморья, выдав положительное заключение государственной экспертизы на разработанный компанией проект. Тем самым лесники прямо нарушили решения, принятые на совещании у Первого зампреда Правительства Зубкова. В ходе совещания было принято историческое решение — запретить заготовку древесины на территориях орехо-промысловых зон в Приморье. «Крайне возмутителен факт, что компания, участвуя в переговорном процессе, параллельно подала иск в суд на получение тех участков, которые были предусмотрены в качестве компенсации взамен орехо-промысловых зон», — заявил тогда начальник управления Рослесхоза Александр Мариев в своем интервью газете «Лесные вести». По его мнению, сложившаяся в крае практика предоставления в льготную аренду участков в защитных лесах является порочной и криминальной.

Действия ЗАО «Лес Экспорт» и лесного Управления Приморья поставили под вопрос выполнение Правительством РФ обязательств по сохранению ключевых тигриных местообитаний в рамках «Стратегии сохранения амурского тигра в Российской Федерации», которые были представлены В.В. Путиным на Международном Тигрином Форуме в Санкт Петербурге в ноябре 2010 года. А именно эта стратегия стала основным стартовым документом при разработке идеологии и обоснований для создания национального парка «Бикин». Можно с большой долей уверенности утверждать, что эта последняя, агрессивная атака лесопромышленников на девственную тайгу в бассейне Бикина стала важным толчком к активизации процесса создания парка. Хотя территориально фигурировавшие в этом конфликте участки непосредственно к парку не относятся, их защита стала важной вехой в ходе формирования широкой общественной поддержки будущей крупнейшей охраняемой территории Дальнего Востока.

Аборигены и национальный парк

Долгая и трудная 30-летняя история подходила к концу. Всем были известны формулировки пунктов будущих поправок в Закон об ООПТ, которые внесены Администрацией президента в МПР на анализ и продвижение в Госдуму. Экологи, общины и Ассоциации аборигенов с изумлением анализировали проекты Положения о нацпарке и Устава соответствующего госучреждения, которому этим парком надлежало управлять вместе с Советом уполномоченных представителей коренного населения. Таких щедрых гарантий коренному населению доныне не видывал в России ни один национальный парк. Все уже знали, что Администрация президента выдвинула в качестве кандидата на должность директора парка Алексея Кудрявцева — всеми уважаемого, фактически второго человека в руководстве общины «Тигр». Начинался самый проблемный этап общественных слушаний, которые, в силу сложившейся объективной реальности и многочисленных пробелов в законодательстве, был обречен стать тяжелым для всех, кто шел к защите Бикина 30 лет.

Сергей СИДОРЕНКО, вице-губернатор Приморского края, 18 апреля 2014:

«Мы уже имеем много проблем в существующих нацпарках. Увы, нам не удалось увидеть блеска в глазах людей, живущих на их территории. Чаще — неудовлетворенность. Наша рабочая группа по Бикину изучает эти ситуации и ищет решения проблем. Задача — найти подходы и механизмы, чтобы в нацпарках условия сохранения среды обитания людей и природы были гармонизированы. Чтобы сохранялись и традиции, и природа и культура.

Каждый год пресс на эту территорию растет в геометрической прогрессии. Количество нерегулируемых туристических групп выходит за грани разумного. Рыбы стало меньше, места обживаются, происходит массовый сплав бригад по реке, стреляют все что попало. Все уже без проводников заходят на территорию с помощью GPS. Это скоро приведет к тому, что ваши традиционные места промыслов будут истощены без принятия радикальных мер и средств. Этот процесс должен носить регулируемый и плановый характер, чтобы территория не деградировала, прежде всего в интересах ее жителей.

Мы договорились, что необходимо все-таки менять законодательство, вносить изменения в закон об ООПТ. Чтобы решить проблемы, надо начинать с основ — с законодательства. Наши предложения будут направлены в Госдуму, в СФ, чтобы процесс пошел.»

Стратегический План Развития территории бассейна реки Бикин во взаимодействии с национальным

Главной сложностью этого, финального этапа становления нацпарка стало не столько расслоение местного сообщества на сторонников и противников, включая главу поселка. Не печальные уроки «Удэгейской Легенды», где неудачно выбранный главный инспектор парка оказался охотником не столько за браконьерами, сколько за более легкой добычей — охотниками-удэгейцами и их традиционными правами. И даже не неизбежное и очевидно ожидаемое ограничение власти привычного для Красного Яра лидера общины Владимира Ширко, сумевшего на рубеже веков, как помнят многие, поднять село из мрака и безнадежности и возродить угасавшее местное хозяйство. Главной проблемой было НЕДОВЕРИЕ людей к власти в любом ее виде, многократно и жестоко порушенное за долгие годы борьбы за Бикин, и даже шире — за конституционные права таежных людей. Волну и горькую энергетику этого недоверия испытали на себе все, кто внес неоценимый вклад в бикинскую эпопею и теперь защищал идею парка как последний шанс для Бикина — и Алексей Уза, и Павел Суляндзига, и Юрий Дарман, и высокие чиновники администрации Президента.

На самом деле трезвый взгляд на территорию, не раз озвученный и подтвержденный фактами на многих совещаниях в последние годы, показывал, что община как единственный орган управления на средней части бассейна, управлять, контролировать и главное — охранять всю территорию, включая Верхнебикинский заказник, полноценно не способна. Нелегальные брако-

ньерские авиабазы на верховьях продолжали действовать, давно освоенные хабаровскими и приморскими богачами и чиновниками. Самовольщики прорывались из хорошо освоенного дорогами Красноармейского района и Хабаровского края по зимникам, чтобы вывезти ценный лес, а родные охотники-удэгейцы все реже имели возможность забраться в верховья на долгий зимний сезон: бензин для лодочных моторов — единственного таежного транспорта — здесь всегда был слишком дорог. Даже традиционные японские туристы, которых много лет привозил на Бикин его фанатичный поклонник из «Друзей Земли — Япония» Эйичиро Ногучи, стали все чаще пользоваться услугами частных местных гидов, избегая слишком высоких тарифов, назначенных общиной. По трезвым оценкам WWF, такая ситуация грозила вскоре полной утратой контроля над территорией.

Оценивая этот этап развития процесса по защите Бикина, важно учитывать, что в эти годы не только на уровне России, но и в Приморском сообществе коренных народов произошла радикальная смена актива и даже консолидирующих структур. Учитывая фактическую неэффективность действий краевой Ассоциации с полным уходом ее многолетнего лидера в международные структуры, предприниматель из Ольгинского района Валентин Андрейцев, опираясь на свои полномочия вице-президента Ассоциации, создал принципиально новую организацию — Союз общин КМНС Приморья. Более того, несмотря на уже подходящий к завершению процесс создания нацпарка «Бикин», он инициировал новый этап борьбы за статус ТТП для общин края. Разработанные по его инициативе документы и механизмы, которых аборигены России ждали более 15 лет, из-за неустраненных пробелов в законодательстве до сих пор лежат без движения в Законодательном собрании края. И шансы на их продвижение, все еще актуальное для других общин Приморья, могут появиться лишь благодаря воле и усилиям депутата Госдумы Г.Ледкова — ныне Президента Российской Ассоциации КМНС. Определенную роль в построении цивилизованных отношений между удэгейским сообществом и нацпарком «Бикин» играет и другая молодая организация — «Союз удэгейцев России», созданная уроженкой Красного Яра и в течение многих лет главой Ассоциации КМНС Хабаровского края Любовью Пассар.

Шаман Василий Дункай поддерживает идею нацпарка.

22 апреля 2015 года Президент России подписал исторические «Бикинские» Поручения. Главный пункт документа поручал Правительству дословно: «обеспечить внесение в законодательство изменений, предусматривающих наделение представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока правом ведения на территориях национальных парков традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности, в том числе:

- а) безвозмездного посещения и свободного пребывания на территориях национальных парков;
- б) получения на безаукционной основе в пользование лесных участков и охотничьих угодий для ведения промысловой охоты, заготовки древесины, живицы, пищевых и недревесных лесных ресурсов, сбора лекарственных растений, в том числе для коммерческого использования».

П.Суляндзина на слушаниях в К.Яре

Умудренные жизненным опытом аналитики, оценивая 17 «путинских» лет новой России, хорошо знают, что как бы ни были красивы и верны указания и поручения Президента правительству или законодателям, далеко не все они выполняются. А чем красивее и точнее эти указания, чем успешнее они могли бы решить кричащие проблемы нашего бытия, тем сильнее они извращаются, оказавшись в руках продажных чиновников и корыстных законодателей и превращаясь в законы и Постановления. Зачастую — с точностью до наоборот. Печальный и анекдотичный опыт поручений 2011 года Президента Медведева и Госсовета правитель-

ству Путина по большому блоку экологических проблем говорит о многом: как премьер Путин не исполнил ни одного поручения Президента в срок (а многие не исполнены поныне), так и поручения Президента Путина, оказывается, можно безболезненно игнорировать. И никакой суд вашу апелляцию по этому поводу даже не примет — Москва от Бикина слишком далеко.

В итоге, после всех поручений, клятвенных обещаний и заверений об изменении законодательства, которые Президент давал Правительству и законодателям, его Администрация — губернатору и народу, губернатор — экологам и общине, а община — людям, парк был учрежден без изменения законодательства. Столь же равнодушно отнеслись законодатели и к судьбе общины, которая была обязана продолжать вносить плату за аренду уже изъятых у нее территорий: болезненный вопрос об аннулировании арендного договора или сокращении площади аренды был просто проигнорирован. Фактически, правительство откровенно спровоцировало столкновение интересов общины и парка, вместо того, чтобы разработать детальный механизм учета и гармонизации этих интересов.

Слушания в Кр.Яре, 2015 г..

Как показало обращение общины «Тигр» в Верховный Суд России и полученный ответ, юридически принятая модель регулирования отношений общины и нацпарка на уровне Положения о нем не должна создавать правовых конфликтов. Принятое ВС РФ Решение от 6 сентября 2017 года говорит прямо: «Земельный кодекс допускает наличие в границах нацпарков участков иных пользователей, деятельность которых не нарушает режим нацпарков». Безусловно, это должно успокоить администрацию нацпарка «Бикин», но вряд ли утешит общину «Тигр», несмотря на оставленные ей в аренде 50 тысяч гектаров таежных угодий. Как показали последние дискуссии, организованные администрацией Приморья

и Ассоциацией коренных малочисленных народов России, корень пока еще не разрешенного конфликта на территории — не только в споре двух субъектов права, парка и общины, для которых государство не провело необходимую и обещанную гармонизацию законодательства. Более болезненным и трудно устранимым оказывается формирование двух категорий коренных жителей — допускаемых на территорию традиционных арендаторов родовых угодий и меньшинства с ограничением доступа.

Митинг в Лучегорске против рубок на Бикине, 2012 г.

Как и планировалось, руководство парка и созданного при нем национального Совета под руководством члена общины «Тигр» и одного из самых уважаемых старейшин села Алексея Уза сохранило на территории все действующие права семейных кланов на охотничьи участки. Но, при всей важности учета традиций, надо понимать и то, что человеческое сообщество — дело живое, изменчивое. За 20 лет в нем естественно формируется новое поколение со своими потребностями и правами, и эти новые интересы необходимо учитывать. Режим парка требует, чтобы любой посетитель территории, в том числе имеющий право свободного доступа как коренной житель, по крайней мере объяснил — что он планирует на территории делать. Тут и возникает коллизия: если у него или его молодой семьи нет там своего традиционного участка, заниматься природопользованием, которое гарантировано и законом, и Положением о парке, ему просто негде. Выходит, привычная схема закрепления участков на хозяйственной части парка противоречит декларированному в Положении праву всех местных на свободный доступ на территорию. Похоже, тут содержится важный вызов не столько для администрации парка или общины, но скорее для специалистов российской Ассоциации и МПР: Положение требует уточнений, впрочем как и весь пакет природоохранных и аборигенных законов. Но это процесс естественный и перманентный.

В рамках этого процесса в августе 2018 года, когда текст «Истории» был уже подготовлен к публикации, Президент наконец подписал серию давно ожидаемых поправок к закону об ООПТ. Согласно документу, уменьшение площади ключевых зон нацпарков — заповедной, особо охраняемой и зоны традиционного природополь-

зования коренного населения — отныне не допускается. Безусловно, важность такого решения в условиях бурного «инвестиционного развития» на Дальнем Востоке прежде всего оценят именно удэгейцы на Бикине. Окончательно фиксируют поправки и исключительные права коренных народов на заготовку недревесных продуктов в соответствующей зоне нацпарка, в том числе и для целей продажи. Наконец, новый закон фактически подтверждает пункты Положения о нацпарке, согласно которым местные жители имеют право беспрепятственного посещения территории парка.

Удэгейские красавицы на конгрессе народов Приморья, 2018 г.

Будущее строится сегодня

Отдельной важной темой в рамках перспективной работы администрации нацпарка станет отношение аборигенов к экологическому, этническому, охотничьему и рыболовному туризму, заниматься которым равно заинтересованы и община, и нацпарк. Парк, вообще-то, даже обязан заниматься этим с учетом спущенной ему государственной Программы. А туризм — это реальная коммерческая деятельность, в равной степени разрешенная законом и выгодная и общине, и парку. Прежде, до создания парка, им могли заниматься частным порядком и отдельные жители Красного Яра, используя личные возможности — лодки, квартиры для гостей без всяких налоговых обременений. Это вызывало недовольство Совета общины как единственного хозяина территории, но эту общественную организацию частникам удавалось игнорировать.

Создание парка призвано регламентировать этот мелкий частный турбизнес, в особенности тот, который имеет в своем распоряжении нигде не зафиксированную

инфраструктуру — избушки, зимовья, причалы, вертолетные площадки. В этой сфере деятельности на Бикине сегодня сложно отследить — кто истинный хозяин такой инфраструктуры, местные аборигены или пришлые богачи. Попытки администрации парка, как госучреждения, эту инфраструктуру «национализировать», естественно вызывают недовольство и даже не вполне адекватные «силовые» действия. Вдруг выясняется, что «частный» рыбацко-охотничий туризм на реке был организован или находился под надежным контролем «любителей» дикой природы из силовых структур Пожарского района или всего края. Терять такой «отхожий промысел» силовики натурально не желают, что вызывает с их стороны весьма непредсказуемые действия, вроде недавней атаки на офис парка в Лучегорске.

Все это — неизбежные издержки установления законного порядка там, где прежде царствовала традиция, вольница и личные связи. Для сферы отношений между властью, законом и вековой традицией это всегда особо болезненно: традиции живут веками и должны быть учтены в более поздних законах. Что далеко не всегда происходит и порождает конфликты в общинах. Упомянутые августовские поправки к Закону об ООПТ 2018 года, к счастью, снимают значительное число сомнений в этой сфере, и отвечают ожиданиям общин в других нацпарках, прежде всего в «Удэгейской Легенде». Остается надеяться, что руководители таких «этнических» ООПТ сумеют быстро осмыслить принятые важные новации и внедрить их в практику.

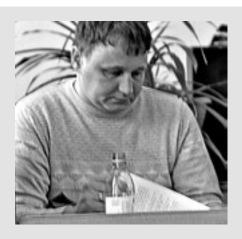
Р.В. Суляндзига:

«Создать парк в итоге удалось. Намного труднее оказалось разрешить проблемы, связанные с ограничением коммерческого природопользования и конфликтной ситуацией внутри сообщества. Сиюминутный материальный интерес — достаточно сильный и разрушительный фактор, отказаться от больших доходов в пользу меньших, хотя более стабильных, под силу далеко не каждому. Кроме того, важными субъектами коммерческого использования природных ресурсов территории стали не только мелкие перекупщики, но влиятельные туристы, обладающие властью и капиталом. Поэтому создание Совета КМНС при администрации парка является важнейшим шагом к формированию системы соуправления. Это участие в разработке, принятии и осуществлении решений, контроль деятельности парка, разработка норм и правил поведения для местных жителей на территории, сохранение традиционных знаний и использование их в работе парка.»

Ограничение на охоту, рыбную ловлю и сбор дикоросов в некоторых зонах парка сохраняет возможности традиционного, в том числе и ограниченно коммерческого использования его продукции коренными жителями в других частях территории — в зоне экстенсивного природопользования, занимающей 674 тысячи гектаров. Организовать такую деятельность со скупкой и сбытом продукции у охотников, с грамотным маркетингом община «Тигр» вполне могла бы вместе с дирекцией парка. Нужно для этого, в общем, немного то, что положено делать перед любым промыслом: определить количество природных ресурсов, которые могут быть изъяты аборигенами, с выделением коммерческой доли. Изучить новые рынки, организовать сбыт, чтобы понемногу вытеснить нелегальных скупщиков с территории, ориентированных в основном на Китай, или хотя бы ограничить их влияние. Можно создать и возможности для частичной переработки продукции в селах при участии национального парка и общины — есть надежда, что это сложится со временем. Некоторые виды переработки возможны уже сейчас — сбор, обработка и упаковка чайных и лекарственных сборов, орехов, грибов и ягод, организация продажи меда на районном, региональном и внешнем рынке.

Сегодня стратегия директора нацпарка Алексея Кудрявцева по отношению к продукции таежных промыслов очень проста и открыта: арендаторы участков на территории парка вольны продавать свою легально заготовленную продукцию где и как угодно. Как говорят бывалые охотники, в скупщиках пушнины и ореха недостатка нет, а мясо и рыбу удэгейцы в основном потребляют сами и угощают туристов. При весьма скромных зарплатах в нацпарке для больших удэгейских семей такой приработок — важная гарантия социальной стабильности.

Но чтобы охотники могли подрабатывать на сбыте продукции с территории парка, нужно быть уверенным, что эту продукцию у них не отберут браконьеры. Так что охрана территории с самого первого дня остается на Бикине важнейшей и самой трудной частью работы. Защитить саму реку при этом — самое легкое. Уютный кордон у большого моста на недостроенной дороге Хабаровск-Находка эту задачу решает. Куда труднее остановить набеги браконьеров на территорию со стороны Хабаровского края, Красноармейского и Тернейского районов. Для решения этих задач руководство парка приняло единственно верное решение — создало боевой оперативный отряд во главе с неподкупным и непримиримым Александром Самойленко, легендой антибраконьерской и лесоохраной работы в Приморье. Его задача — оперативные рейды по самым отдаленным границам парка, особенно на севере и востоке. Одновременно Алексей Кудрявцев планирует наделить функциями и полномочиями инспекторов некоторых штатных охотников. Это позволит парку экономить средства и увеличить заработок ряда коренных жителей Красного Яра.

Алексей КУДРЯВЦЕВ, директор нацпарка «Бикин»:

«В последние годы перед созданием парка у нас в сфере бикинского туризма сложилась уродливая ситуация. Река была открыта для всех: если местные охотники — хозяева угодий могли как-то останавливать незваных гостей с оружием в своих угодьях, оберегая свой ресурс, то в рыбалке была полная вольница. Десятки лодок сновали по реке, истребляя все, причем часто варварскими способами. В итоге река сильно обеднела рыбой, а для коренного населения это катастрофа. И только создание парка позволило поставить этому безобразию жесткий заслон теперь рыба у нас вновь появилась, потому что вход на реку посторонним просто закрыт. Но тут есть и другая сторона. Мы стараемся жестко ограничивать чисто рыболовный и охотничий туризм. Такие люди нам просто неинтересны: они покупают лицензию и уходят на реку, не интересуясь селом, культурой удэгейцев и их жизнью. В итоге жители села, настроенные на прием туристов в семьях, оказываются лишены этого важного дохода, и нас это не устраивает. Конечно, мы будем обязательно строить и небольшую гостиницу, но основным форматом размещения гостей должен остаться семейный. Для этого у нас есть программа повышения комфортности ряда семейных домов — будем оборудовать их кондиционерами, современными туалетами. Строим и новые дома для сотрудников с полным набором услуг.»

Развитие туризма — главное, о чем думают сегодня в нацпарке. В Красном Яре уже созданы приличные условия для приема гостей, активно оборудуются и базы вверх по течению реки с экотропами, хорошим сервисом и связью. Наконец, дорога на Бикин. Парк расположен в Пожарском районе Приморья, и от его административного центра Лучегорска, удаленного от Владивостока на 500 километров, ведет к Красному Яру плохая грунтовая дорога, без разметки и указателей, длиной еще 125 км. Это — полный день езды, причем без знатока этой дороги легко и свернуть не туда. В то же время от Хабаровска до Красного Яра в свое время была пробита приличная, хотя тоже грунтовая, но прямая дорога длиной всего около 300 километров. И ею доныне пользуется большинство иностранных туристических групп, нанимая транспорт и гидов в Хабаровске.

База нацпарка на притоке Бикина Ульме.

Естественно, туркомпаниям Приморья, уже «положившим глаз» на столь привлекательный объект как дикий Бикин и нацпарк, все это не может нравиться.

Естественным можно считать и определенное давление на дирекцию парка со стороны приморских властей, чтобы склонить хотя бы часть турпотока на свою сторону. Но тут уж все, наверняка, пойдет по правилам нормального рынка. Сумеет Приморье сделать Бикин более доступным не для браконьеров, как прежде, а для цивилизованного туриста — сделает дорогу, пустит от Лучегорска регулярный автобус, наладит регулярные авиарейсы в Олон и Улунгу — и Хабаровск отойдет на второй план.

Эти вызовы властям края очевидны, и не раз представлены в стратегических документах развития парка. Последний из таких документов — правительственная Программа развития туризма на Бикине, принятая в феврале 2018 года. Она гарантирует серьезные бюджетные и коммерческие вложения в развитие туристической инфраструктуры нацпарка, прежде всего в турбазы и транспорт. Такие вложения вовсе не обязательно будут окупаться только летом. На Бикине достаточно традиций и зимнего, охотничьего туризма, который тоже ждет своего развития в рамках возможностей и ограничений, дей-

ствующих в нацпарке. Опыт таких туров давно накоплен японцами из «Тайга-Форума». У тех, кто ищет встречи с тигром, с удэгейской культурой и дивными легендами, с энергетикой девственной древней тайги Русской Амазонки и тихим шелестом ее кристально чистых вод — должен быть выбор. И он обязательно будет.

...Груженая рюкзаками и туристами длинная лодка-ульмага, упорно одолевая течение и крепкие мускулы реки, летит вверх по Бикину. Мимо проплывают обрывистые берега, заманчивые галечные отмели, рукава, протоки и притоки. На изгибах и перекатах тут и там громоздятся причудливые завалы мертвых деревьев и коряг — неизбежная дань девственной тайги могуществу и своенравию чистого водного потока. Неустанно работают видео- и фотокамеры — эту фантастическую архитектуру своенравной реки каждому хочется унести с собой на память. И никому не понять, каким образом, по каким неведомым признакам сидящий на моторе удэгейский охотник выбирает единственно верный фарватер в этом хитросплетении перекатов и стремнин, ответвлений и заводей. Он словно ведет свою машину по давно знакомой улице, заранее зная — где проезд закрыт, где опасен, где нужно держаться левой, а где — правой стороны. Такой навык и такая уверенность даются годами жизни на реке. Неожиданно лодочник сбрасывает газ, прижимает ульмагу к берегу, берет в руки шест и, пятясь кормой вперед, лодка плавно вползает в узкую протоку. Здесь на высоком берегу открывается поляна с уютными срубами заповедная база для туристов Ульма, совсем незаметная с главного русла. Здесь туристы, уставшие от шума больших городов, получают шанс приобщиться к великой тишине и голосам девственной тайги...

В завершение этой книжки важно упомянуть еще об одном, самом недавнем событии в истории «Русской Амазонки», весть о котором пришла в июле 2018, года, когда рукопись была фактически готова. На Сессии Комитета Всемирного Наследия ЮНЕСКО в Бахрейне было наконец принято решение о включении территории национального парка «Бикин» в состав существующей номинации «Центральный Сихотэ-Алинь». Впечатляющая точка в 30-летней истории защиты бассейна, таким образом, поставлена. И мы уверены, что с использованием этого нового высокого статуса руководители парка, общины и всего Приморья сумеют обеспечить для территории гармоничное процветание на долгие годы.

Пост-скриптум.

8 сентября 2018 года наконец подписано Распоряжение Правительства «О переводе земель лесного фонда в категорию земель особо охраняемых территорий и объектов для организации национального парка «Бикин». С этого момента, после завершения непростой бюрократической процедуры и полевых работ, занявших больше двух лет, ФГБУ «Национальный парк «Бикин» стало полноправным хозяином территории. «Теперь мы сможем должным образом и с полным правом следить за соблюдением природоохранного режима: создавать инфраструктуру внутри нацпарка, строить новые кордоны для охраны, создавать новые маршруты для патрулирования», — резюмирует директор Алексей Кудрявцев. Все это уже успешно делает дружный и боевой коллектив, численность которого превысила 100 человек.

«В декабре 2016 года в отделе охраны национального парка стоял стол и три стула и работал я один, — вспоминает начальник отдела охраны парка Юрий Гальцев. — Не было ни техники, ни связи, ни документации. Сейчас нас в отделе 53 человека — меньше чем за три года удалось наладить работу. Я до сих пор помню 24 апреля 2017 года, когда первая смена заступила на сутки на КПП «Тахало». Мы следили за соблюдением пропускного режима в старом вагончике на колесах». Теперь КПП «Тахало» — уютное здание, с системой солнечных батарей и видеонаблюдением. В будущем здесь же планируют построить визитцентр с кухней и баней для гостей. Транспортный парк начитывает 12 снегоходов, 8 лодок, 5 автомобилей, 2 снегоболотохода, 2 квадроцикла. Организован мониторинг популяции тигра при поддержке Центра «Амурский тигр» и WWF России — установлено 68 фотоловушек, ими зафиксировано 26 тигров.

